

Айлин
ДАР

ЖЕНА С ИЗЪЯНОМ
Хозяйка лавки
АНТИКВАРИАТА

Айрин Дар Жена с изъяном. Хозяйка антикварной лавки

<https://litres.ru/74490712>

Аннотация

Меня отправили в тело слепой вдовы в другой мир, чтобы я забрала артефакт и вернула его обратно. Теперь мне придётся влюбить в себя завидного жениха-дракона и заставить его отдать мне таль по доброй воле. Но что, если я сама ... влюбилась и не хочу уходить?

История с юмором и искрами между героями

История участвует в Литмобе Леди_под_прикрытием

Содержание

Пролог	5
Визуал Рауны Хэствуд	9
Глава 1	10
Визуал Зэйда Раутенна	14
Глава 2	15
Визуал Томаса Насторна	18
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	46
Глава 11	50
Глава 12	55
Глава 13	60
Глава 14	64
Глава 15	69
Глава 16	74
Глава 17	79
Глава 18	84
Глава 19	88

Глава 20	93
Глава 21	96
Глава 22	99
Глава 23	103
Глава 24	107
Глава 25	111
Глава 26	114
Глава 27	118
Глава 28	122
Глава 29	127
Глава 30	131
Глава 31	136
Глава 32	139
Глава 33	143
Глава 34	148
Глава 35	154
Глава 36	160
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Пролог

- Приветствую вас, Великий наместник, - склоняется в почтительном поклоне сваха. – Привела невесту, - сразу берёт быка за рога.

Признаться, заплатила ей немало, чтобы она сосватала меня этому невыносимому снобу. Он совершенно мне не нравится, как внешне, так и по поведению, но работа есть работа. На что только не пойдёшь, чтобы сделать всё правильно.

Рауттен смотрит в мою сторону, а потом растягивает улыбку.

- Разве я похож на идиота? – не щадит моих чувств. – Она же слепая!

Слышу, как под каблуками Азалии гулко звучит пол, простукиваю тростью с десятков сантиметров, чтобы сделать следующий шаг. В тёмных очках в помещении передвигаться не так уж просто, но по легенде я и вовсе слепа.

- Но истинная по крови, и очень богата. Это то, что нужно для наследников, - совершенно не обижается сваха. И если бы не задание, я бы развернулась и ушла, потому что этот дракон позволяет себе слишком многое.

- У неё был муж, - делает новый пас.

- Старый эрд не был в силе, если вы меня понимаете, - понижает голос Азалия, криво усмехаясь. А мне кажется, что я

здесь лишняя, и без меня они поговорили бы лучше. — Рауна способна подарить вам ни одного наследника, - чувствую, как её рука укладывается на мою спину, клоня ниже к полу. И я смиренно клонюсь, будто покорна судьбе. Пусть он видит во мне то, что ему удобно видеть. Я же откушу ему голову, как только появится возможность.

- А что вы скажете про её чудесное воскрешение?

- Боги смилостивились и даровали ей жизнь.

- Подойди, - говорит наместник, но делаю вид, что не догадываюсь, к кому он обращается. Толчок в спину заставляет сделать первый шаг, и я ищу опору тростью, совершая следующий. Слепая женщина должна двигаться осторожно, неуверенно, и я умело играю эту роль. Намеренно бреду прямо небольшими шагами, словно не понимаю, где именно он сидит.

- Правее, - звучит его голос, и я немного меняю траекторию. Добираюсь до ступеней и останавливаюсь. Долгая пауза. Чувствую, как взгляд наместника обжигает моё лицо. Стёкла достаточно плотные, дабы он не видел моих глаз. Сделаны на заказ по моему личному эскизу.

- Ты богата и свободна, для чего тебе муж? — интересуется у меня, но не успеваю ответить, как Азалия оказывается рядом.

- Она влюблена в вас, ваше высокоблагородие, - лебезит перед ним. И этот ответ лучше того, что я намерилась озвучить.

- Влюблена? – слышится скепсис в его голосе.

Он поднимается с места. Его тень накрывает меня, и я чувствую движение воздуха, когда он обходит вокруг, словно хищник вокруг добычи.

- Твой муж умер на твоих похоронах, - говорит он негромко. - Ты понимаешь, какие слухи это породит?

- Так и скажите, что вы боитесь, - играю на его самолюбии.

- Боюсь? – фыркает он. – Не говори глупостей. Но у меня есть репутация.

- После того, как вы приказали казнить невинного, она сильно пострадала.

Речь о мужчине, которого Зэйд приговорил к смерти.

- Женись вы на убогой, народ снова полюбит вас.

- Он и так полюбит меня, - делает оговорку, но тут же замолкает.

Рауттен становится напротив, и я улавливаю резкий запах железа и пряностей. Его пальцы касаются моего подбородка, приподнимая лицо, а второй рукой он норовит снять очки.

- Нет, - перехватываю его руку. – Оставьте мне хоть какую-то защиту от вас, Великий наместник.

- Ты не похожа на влюблённую женщину.

- А вы на того, кто может любить, - парирую.

Он молча изучает меня, а потом убирает руку.

- Хорошо, - говорит он наконец. – Скажите всем, что с этого дня Рауна Хэствуд остаётся под покровительством наместника.

Мой поклон глубокий и почтительный. И несмотря на то, что на моём лице не дрогнул ни один мускул, внутри себя я праздную маленькую победу.

Визуал Рауны Хэствуд

Знакомьтесь. Вот она - наша главная героиня - Рауна Хэствуд. Девушка, что страдала сперва от своего отца, который всячески пытался исправить врождённый недостаток, а потом от мужа, который только и делал, что ревновал молодую жену. Итог плачевный.

Слепа с детства.

Но теперь в теле скромной и хрупкой Рауны другая - Ма-оф. Тёмная лошадка, что прибыла в этот мир, дабы вернуть артефакт, куда полагается. А вот что из этого выйдет - узнаем из книги.

Глава 1

Двумя месяцам ранее

Когда я воскресла – он умер. Но это к лучшему.

Тьма густая и вязкая, будто лежу на дне холодного озера. Уже и забыла, каково это – чувствовать. Долгие годы жила в вакууме, свыклась с тишиной, но теперь всё изменится. И меня колотит озноб.

Снова различаю не только звуки: плач, шепот, звон медных колоколов, но и дуновение ветра по лицу. Сцепленные в замок на груди руки, сжимающие какой-то предмет. Делаю вдох – такой обычный, но невыносимо забытый, и приоткрываю глаза.

Надо мной сводчатый потолок храма с шарами света, рядом человек в белом одеянии, по всей видимости храмовник, губы которого шевелятся в какой-то молитве. Вокруг люди в чёрном, скорбные лица, женщины с мокрыми от слёз платками, мужчины с каменными выражениями. Все они здесь затем, чтобы попрощаться с умершей. То есть со мной.

Я знаю, зачем здесь. Это знание, четкое, холодное и неоспоримое, не пришло вместе с плотью: оно было внутри меня прежде, чем я открыла глаза. Я здесь не просто так, а чтобы выполнить задание.

Теперь меня зовут Рауна Хэствуд. Отец, мелкий чиновник, продал слепую дочь, которую никто не желал брать в

жёны, старому эрду ради выгоды. С тех пор бедняжка Рауна подвергалась надругательствам и унижениям. Эрд Хэствуд ревновал жену, которая в три раза его моложе несмотря на то, что она почти ни с кем ни общалась. И в один из дней был настолько груб, что забил её до смерти своей тростью. Той самой, что сейчас упиралась в пол храма рядом с гробом его молодой супруги, пока сам Пурф, оттопырив нижнюю губу, смотрел со скучающим видом куда-то вдаль.

Мне пришлось прибыть раньше срока, потому что дальше тянуть не было смысла. Очнуться на похоронах и объясняться с гостями уже было проблемой, затяни мы с этим – пришлось бы искать другое тело.

Запах терпкой травы, густой и похожий на дым костра, добирается до ноздрей, проникает в лёгкие, раздражая их. Нос свербит, и я не могу справиться с непреодолимым желанием чихнуть.

- Апчхи, - довольно громкое, на что храмовник отвечает.
- Будьте здоровы.
- Благодарю, - отзываюсь, впервые услышав свой новый голос: мелодичный и нежный, совершенно не похожий на прежний.

Лицо служителя вытягивается, становится похожим на лошадиное, а глаза вылезают из орбит. Публика ещё не понимает, что произошло, и смотрит не на меня, немного приподнятую на постаменте так, чтобы было видно всем, а на храмовника. Лишь Пурф, осознав происходящее, трясётся

рядом, будто отказывается верить в чудесное воскрешение. Сжимает зубы, шипя что-то, и на его губах выступает пена. Толчки становятся сильнее, будто кто невидимый внутри трясёт его из стороны в сторону. Он хватается за сердце, скалясь и не отводя от меня взгляда, а потом падает на мраморный пол. И толпа ахает, вскакивая с мест.

Какой-то мужчина бросается к старику, наверное, личный лекарь, а я разъединяю пальцы, из которых выскальзывает свеча, укладываю руки на кромки гроба и неторопливо поднимаюсь, наблюдая за пришедшими. Две женщины в первом ряду падают в обморок, позади принимается плакать какой-то ребёнок, несколько человек срываются с места и бегут прочь. Массивная дверь открывается, впуская дневной свет, а потом звучит выстрелом.

- Рауна, - зовёт мужской голос сбоку, и я, повернув голову, вижу красивого мужчину, который смотрит на меня со смесью неверия и радости, словно видит то, что невозможно объяснить словами.

Сначала просто стоит, не в силах поверить, что я действительно жива.

- Рауна, - выдыхает почти шёпотом, и его руки дёргаются, желая коснуться меня, проверить, что я настоящая.

Он бросается в мою сторону. Его движения резкие, почти судорожные, но в них сквозит не только тревога. Радость, которая переполняет, делает жесты неловкими, непоследовательными. Он обнимает меня, сжимая так, словно желает

убедиться, что моё тело настоящее, что я не призрак.

Отвечаю тем же, чувствуя его пульс, слыша учащённое дыхание. В его объятиях смешиваются страх, облегчение и удивление: каждый мускул на его лице выражает то, что слова не в силах передать.

– Как же я рад видеть тебя живой.

Визуал Зэйда Раутенна

Властный и опасный - Великий наместник его императорского величества. Зэйд Рауттен однажды купил за бесценок на чёрном рынке артефакт, который оказался очень полезной вещью. Змейка из неизвестного металла не просто украшение - это мощный артефакт, способный влиять на сознание других.

Именно его и необходимо забрать нашей героине.

Глава 2

Я не знаю этого мужчину. Мне известны лишь некоторые факты жизни Рауны, и главный из них – она была слепа от рождения. А значит, я должна притворяться ею, чтобы никто ни о чём не догадался.

Важно – не смотреть в глаза, это может сразу выдать.

- Мёртв, - доносится до ушей голос лекаря, и он поднимается, направляясь в мою сторону. – Томас, уйди, - требует от мужчины, который рядом со мной, а потом внимательно всматривается в моё лицо.

От него исходит запах горьких трав и табака. Смотрю мимо, сжимая пальцы на кромке гроба, изображая растерянность и слабость.

Он проверяет мой пульс, словно я могу быть ходячим мертвецом без признаков жизни, трогает лоб. Хмурится, а его пальцы осторожно поднимают моё веко чуть выше, проверяя зрачок. Он смотрит реакцию, а я стараюсь не моргать. Конечно, слепые тоже имеют подобный рефлекс. Но он не такой быстрый и осознанный, как у зрячих. Скорее рефлекс-торный от сухости или раздражения и более медленный. На эту тему у меня была отдельная беседа.

- Реакции нет, - бормочет он скорее себе, чем кому-то ещё, и как только убирает пальцы от моих глаз, я тут же моргаю. – Но я не понимаю, как такое возможно?

- Она слепа от рождения, - вмешивается Томас. – Её проверял ни один врач. Всё её детство – это боль и страдания, потому что отец не желал верить, что его дочь может стать позором семьи. Но моя сестра – не позор!

Вот мы и выяснили, что единственный обрадовавшийся моему воскрешению человек – это брат Рауны.

- Я не о её слепоте! – парирует лекарь. – А о том, что она жива! Потому что я сам завизировал смерть эрданы!

- Значит, другим не следует доверять вам, как целителю, потому что...

Но договорить он не успевает. В тот же момент дверь распахивается, и люди оборачиваются на шум. В коридоре показывается фигура в белом сюртуке с золотыми эполетами, за которой следуют двое охранников, впечатывая подошву сапог в холодный мрамор. Но если я хоть немного разбираюсь в людях, тому, кто в эполетах, не нужна охрана. Даже на расстоянии тридцати шагов понимаю: это птица не просто высокого полёта. От него идёт такой магический шлейф, что я осознаю: он то, кто мне нужен.

Он останавливается чуть в стороне от гроба и осматривает сцену с холодной заинтересованностью. Ситуация странная: тот, кто должен быть мёртв – жив, тот, кто должен жить – мёртв.

Его лицо строгое, надменное, и до меня вдруг донёсся шёпот.

- Верховный наместник.

- Зэйд Рауттен.

Правая рука императора. Дракон, в чьей власти оказался артефакт, что необходимо вернуть в мой мир. Маленькая серебряная змейка, позволяющая владеть вниманием толпы, заставляющая людей слушать хозяина. Удивлена, что он ещё не стал императором с подобными возможностями, но подобрался к нему очень близко.

Замечаю, как наместник засовывает левую руку в карман, а правую поднимает. Движение неспешное, но властное, и в храме воцаряется тишина. Даже плач ребёнка обрывается, будто мать зажимает ему рот, испугавшись нарушить это повеление.

Наместник делает шаг вперёд, тень от высокого силуэта ложится на белый мрамор, и голос звучит низко и твёрдо.

- Чудо или проклятие - решит время. А сейчас вы все свободны. Уходите.

Слова отточенные, как удар клинка. Ни одного лишнего. Толпа замирает, обменивается быстрыми взглядами, и первое шуршание одежды разносится по рядам. Люди шепчутся, но покорно поднимаются со своих мест и расходятся. А я обещаю себе, что справлюсь.

Визуал Томаса Насторна

Томас Насторн - родной брат Рауны Хэствуд, который всегда жалел младшую сестру. Разница в возрасте небольшая, но тем не менее, Томас всегда считал себя куда старше Рауны. Всячески помогал ей, осознавая, насколько тяжело приходится девочке.

После совершеннолетия уехал на несколько лет. Вернулся лишь спустя четыре года, узнав, что отец распорядился судьбой Рауны не самым лучшим способом.

Дорогие читатели. Начинается новая история Леди под прикрытием, в которой вас ждёт противостояние, тайны, приключения, работа в антикварной лавке, ну и, конечно же, любовь. Обязательно добавляйте книгу в библиотеку, делитесь вашим мнением и ставьте звёздочки)) Искренне ваша Айрин Дар.

Глава 3

Шаги уходящих расходятся по храму, двери распахиваются, впуская дневной свет. Сначала робко, затем всё увереннее публика покидает места, и вскоре просторное помещение становится почти пустым. Зэйд поворачивает голову в сторону Томаса, смотря на него многозначительным взглядом, и его глаза на мгновение становятся серебряными под влиянием таля-13, а потом снова карими. Артефакт не просто у него, он сейчас с ним.

- Это моя сестра, - говорит пока ещё уверенно Томас.

Есть те, у кого имеется защита к воздействию талей, так мы называем эти артефакты, но таких людей немного. Это может быть или другой тотем, или внутренний щит, данный при рождении. Проблема в том, что иметь первое необходимо лишь зная о том, что следует защищаться. Но никто не осознавал, что его решения на самом деле это не желание самого человека, а влияние на него таля, который многие годы хранил у себя Зэйд Рауттен.

Я здесь именно потому, что на меня не действует артефакт, иначе бы моя миссия была провалена в тот момент, когда наместник обратится ко мне. И даже слепота не спасает от магических импульсов, проникающих в сознание через голос.

- Мне необходимо поговорить с ней наедине, - контакт

глаза в глаза с мои братом, и Томас тут же соглашается, оставляя нас.

Двое мужчин подхватывают мёртвое тело эрда Хэствуда, который теперь не станет отравлять мою новую жизнь своим присутствием, и уносят его в сторону выхода. Храмовник исчезает так, что я даже не замечаю, и мы с наместником остаёмся одни.

Не смотрю в его сторону, и, кажется, сейчас предстоит самое сложное испытание – не дать ему понять, что я способна видеть.

- Кто здесь? – начинаю первой, слегка поворачивая голову. Слепые видят ушами, улавливают звуки, по которым определяют приблизительное расстояние до объекта, его перемещение. Видят пальцами, трогая лица или предметы, и даже читают специальные книги.

Наместник неторопливо подходит, останавливаясь напротив, и следит за мной.

- Томас, - зову брата, уводя голову в бок. Глаза постоянно двигаются, ведь у меня не должно быть способности фокусироваться. – Это ты?

- Поздравляю, - звучит голос, от которого проходит озноб по коже. Не потому, что он страшен, наоборот, бархатный баритон приятен слуху.

- С чем вы меня поздравляете? – решаю уточнить.

- С чудесным воскрешением, конечно же.

- Это шутка? – делаю озадаченный вид. Нарочно трогаю

пространство вокруг себя, делая вид, что изучаю его. - Кто это? – настаиваю на легенде со слепотой.

- Меня зову Зэйд Рауттен.

- Великий наместник? – выгибаю брови, тут же слегка кланяясь. Неважно, где ты родился, но тот, кто ниже по статусу, должен гнуть спину перед сильными мира сего. Если нет – они могут пожалеть об этом.

Он стоит рядом со мной на расстоянии вытянутой руки, но теперь я не могу откровенно пялиться на него, рассматривая каждую деталь.

- Что вы делаете в моей спальне?

До ушей доносится смех, но он наигранный, а не потому что собеседнику действительно смешно.

- Выходит, вы уверены, что находитесь в замке Хэствудов?

- Разве нет? – хмурюсь, делая вид что озадачена. - Где мой муж?

- Мёртв.

- Что?!

- Вы так искренне удивляетесь, что я хочу вам верить.

- Совершенно не понимаю вас. Позовите моих служанок, пожалуйста. Кажется, меня засунули в какую-то коробку. Здесь тесно и неудобно.

Зэйд вытаскивает из кармана какой-то шнурок, вижу это лишь боковым зрением, но конкретики не различаю. Начинает его раскручивать, делая в мою сторону ещё шаг, но не дёргаюсь, хотя осознаю, что в любой момент он может уда-

рить меня.

- Что это жужжит? – интересуюсь, сосредоточившись на звуке: короткий вжик, который повторяется снова и снова. Но ответом мне становится резкая боль в скуловой луге, по которой проходится короткое лезвие.

Глава 4

Только что меня проверяли, и я выстояла. Прикладываю руку к щеке, трогая порез. Ощущаю жидкость под пальцами, это кровь.

- Что случилось? – продолжаю легенду.

- Случайность, - парирует наместник, убирая вещь в карман. Мне так и не удаётся понять, что это было. – Позвольте, помогу вам выбраться, - подходит ближе, протягивая руку, а сам не отводит взгляда. Вытягиваю ладонь ему навстречу и принимаюсь шарить по воздуху, делая вид, что пытаюсь нащупать его руку. Он ловит её в какой-то момент, и подхватывает меня за талию, как пушинку, устанавливая на каменные плиты, а по телу пробегают ознобы, как только ощущаю тепло мужчины. Рауттен слишком близко стоит рядом, прижимая меня к себе. В мыслях мгновенно вспыхивает образ Саада, и становится тяжело дышать.

Будто снова чувствую тонкий запах масла и смолы, скользкий от пота воротник, грубые ладони, умеющие и чинить механизм и держать меня так, будто я - самое хрупкое, что у него есть.

Мы работали вместе до того, как слова «мы» стали чем-то большим, чем деловые отношения. Саад пришёл в Комитет не как идеалист, а как ремесленник: умел шить порталы, подбирать частоты сопряжения, мастерить звуковые ключи.

Я приходила с картами разломов, с координатами возможных находок, говорила, где трещина тонка, а где её края уже начали зарастать. Он всегда старался делать быстро не только для меня, но и для других.

В его ладонях я могла быть слабой. Он снимал с моей шеи холодные амулеты, когда мы ночевали у костра, шутил, если Комитет распадётся, он откроет лавку и станет чинить вещи для простых людей, которым закрыты знания о мирах. Его смех был ровным и тихим, казалось, он ничего не боится. У нас были свои ритуалы: он подмигивал мне, когда оживали порты, я трогала его руку, когда он ставил печать.

Мне казалось, столько лет прошло, память должна была стереть моменты, которые заставляли душу рваться на части. Мы слишком поздно признались себе, что не можем друг без друга. Столько лет было прожито впустую, и, как насмешка судьбы, он рассказал мне о чувствах, а через несколько часов пришло известие – его отряд погиб в лошине Шёпота.

Казалось, рядом взорвался снаряд, и меня контузило. Ноги подкосились, но я выстояла, кивнула информатору и, развернувшись, ушла пьяной походкой в свою комнату, что делила с Эррой. Я не успела сказать ей, что съезжаю, и теперь не стала, потому что это уже не имело никакого смысла.

Жила, стараясь не показывать боли, что жгла нутро, шла на любые задания, искала смерти, пока однажды меня не стало.

Тело не спасли, но сознание удалось перенести в фиер

– специальный прибор, потому что Комитет не мог позволить потерять опыт: мои навыки, знания о тонкостях артефактов. Моё сознание хранилось в металлической капсуле, бесконечной петле мыслей и карт памяти. Шутя или всерьёз, его охранники называли это «хранилищем отзвуков», но для меня это было тюрьмой, где даже кошмары становятся порядком дня.

В начале службы каждый из нас подписывал договор, по которому Комитет может распоряжаться нами, как захочет. Служба была вечной, и многие не осознавали, что слова на бумаге могут воплотиться в ужас.

И вот я снова стою на камне в храме, а прикосновение Зэйда пробегает по мне, как искра по старой ране. Тяжело дышать: память - не просто картинка, это целая реальность, и она вновь накрывает меня волной утраты и любви.

- Вам плохо? – интересуется наместник, и я слегка киваю, после чего меня перетаскивают на скамью, усаживая здесь. У меня лишь одна попытка. Любая ошибка – и он поймёт, что за артефактом охотятся. Так что убить его здесь и сейчас вряд ли смогу: я не тренировалась в бое тридцать лет. Нужен другой план и как можно скорее.

Глава 5

Слепая вдова должна быть смиренной, потому позволяю не только усадить себя, но задавать вопросы, которые сыплются изо рта наместника, как из рога изобилия.

- Значит, вы думаете, что в замке мужа?

- Да.

- Как давно вы слепы?

- С рождения.

- И не видите даже контуры?

- Нет, великий наместник.

Снова улавливаю серебряный всполох в его глазах. Несведущий решит, что это игра света. Знающий поймёт, что сила артефакта играет.

- Любопытно, - продолжает Зэйд. - Мне донесли о чуде, когда я ехал к императору, и вот я здесь, чтобы убедиться в этом.

- Вы лишком высокого мнения о моей персоне, - слегка склоняю голову. – Во мне нет ничего примечательного. Даже магия и та слаба.

- Слышали вы что-нибудь о жене Советника?

- Нет, - признаюсь честно, боясь, как бы мы ненароком не оказались знакомы с этой эрданой.

- Она тоже воскресла, и муж посчитал её тайрой.

Я не успела как следует изучить обычаи и верования этого

мира, а потому под прицелом лазера бы не сказала, кто такая тайра, ведь просто не знаю. Но, судя по всему, это что-то плохое.

Многозначительно молчу, ожидая, когда он продолжит, но Зэйд, кажется, ожидает от меня какую-то реплику.

- Что случилось с ней потом? – не забываю постоянно бегать глазами, но вообще, следует спрятать их за стёклами тёмных очков, чтобы наблюдать за людьми, пока они не рассчитывают на то, что я способна видеть.

Наместник проходит мимо меня, заложив руки за спину, буравя взглядом.

- Я всё же удивлён, что вы не в курсе этого происшествия, потому что на протяжении последних двадцати лет оно является одной из самых ярких историй Акриона.

Перебираю в памяти события, нащупывая нужное. Кажется, речь о Готтарде – месте аномалий, в котором постоянно гибли люди, посланные на смерть. Там деревья требуют жертв, а горы исчезают, чтобы потом снова проявиться. Мне, как исследователю, хотелось бы взглянуть на это место собственными глазами. Но сейчас оно перестало быть настолько зловещим, и причина тому женщина, которая смогла приручить земли.

- Вы говорите об Эйлин Фаори? – всплывает в памяти нужное имя.

- Хотите повторить её успех? – издевается Зэйд над мной.

- Быть сосланной в гиблые земли? – кривлю губы. – Боги и так наказали меня слепотой, не думаю, что может быть хуже.

- Смерть куда хуже, - не соглашается он со мной.

- Или она может быть избавлением, - говорю, вспоминая Саада.

- Если вы так стремитесь к ней, отчего решили воскреснуть?

- Я не сильна в медицине, но вопросы следует задавать не мне, а лекарю.

- Что вы помните о своей смерти? – внезапно ошарашивает вопросом. Его голос гулко разносится под сводами.

- Я жива, наместник. И ужасно устала. Можете позвать служанок, чтобы они проводили меня домой?

- Вы не ответили. Что там за краем сознания?

Он задаёт провокационные вопросы. Вижу, как лезет в карман, прибегая к помощи змейки, но она на меня не действует, как на остальных. Именно в этом моя ценность и моё горе, иначе бы Комитет давно отпустил на покой.

- Тьма, - больше спрашиваю, чем утверждаю. – Это больше похоже на сон, и никакого света, если вы об этом. Вся моя жизнь тьма, и даже вы лишь звук, не имеющий очертаний, пока я не коснусь вас.

Провокационный шаг, и он садится рядом, берёт мою ладонь, укладывая себе на лицо.

- Можете изучить меня.

- Зачем?

- Чтобы голос обрёл плоть.

Глава 6

Его кожа под пальцами горячая, будто от внутреннего жара, и шероховатая там, где щетина. Скулы резкие, губы изогнуты в едва заметной усмешке, а глаза, хотя я их сейчас не вижу, потому что закрыла веки от греха подальше, словно прожигают меня насквозь. Он не двигается, терпеливо позволяя мне ощупывать его, будто сам испытывает удовольствие от этой игры.

- И что вы «видите»? - его голос звучит ниже, чем прежде, почти интимно.

- Тьму, - гну своё.

- Уверен, за столько лет вы научились читать лица, представляя их себе.

- Тяжело представлять то, чего никогда не видел, - приоткрываю глаза, смотря в пол. – Всё, что мне доступно – контуры, - провожу по его носу, - тепло, - касаюсь лба, - шероховатости, - перехожу к щекам. – Голос и интонации порой говорят куда больше тактильных ощущений.

- И что вы скажете обо мне? - он подаётся ближе, так что дыхание касается моей щеки.

Задерживаю ладонь на его лице чуть дольше, чем должна, и улыбаюсь слабой, почти виноватой улыбкой.

- Вы холодны внутри, - шепчу, - как камень, что лежал в воде слишком долго.

- А снаружи?

- Горите, - пальцы едва касаются его губ, и я чувствую, как они растягиваются в усмешке. Рауттен смеётся негромко, но в этом смехе нет веселья, только сталь. Я интересна ему, это видно, иначе бы он не пришёл сюда. Но кто знает, чем закончится наш разговор.

- Осторожнее, эрдана. В таких играх легко потерять голову.

- Слепые редко играют, - возражаю с мягкой усмешкой, - потому что боятся оступиться. Они больше слушают.

Воздух между нами натянут, как тетива. Слышу, как дышит Зэйд: медленно, размеренно, будто размышляет, что делать со мной дальше. Его пальцы едва заметно касаются моих, словно он проверяет какова будет реакция. И от этого прикосновения по телу разливается холод.

Мне противен этот человек, но вместе с тем я должна выполнить задание. Скорее всего, придётся предложить своё тело взамен на его расположение, но не здесь и сейчас. Это по крайней мере странно по двум пунктам: во-первых, я только что восстала из мёртвых, во-вторых, я - новоиспечённая вдова, которой необходимо заняться организацией похорон.

В Акрионе вдова - это символ утраты и смирения, женщина, которая должна отдать долг памяти мужу и не сметь искать другого покровителя слишком рано. Любая поспешная связь считается почти святотатством: будто сердце ещё

хранит тепло одного мужчины, а ты уже открываешь двери другому. Для знати это удар по репутации семьи, для пустогласов - повод шептаться, что вдова бесстыдна и жадна до любовных утех.

Но есть ли мне дело до чужих пересудов, когда в запасе всего лишь два месяца, за которые я должна вернуть артефакт обратно в свой мир?

Комитет рассчитал: именно через шестьдесят четыре дня звёздная конфигурация выровняет разлом в ткани миров, и появится шанс открыть портал обратно. Но это редкое окно: следующего придётся ждать десятилетия, если оно вообще выпадет. И если меня отправили сюда, как бесплотную субстанцию, то таль-13 можно переправить лишь через портал. А каждый из них требует огромных затрат: энергии артефактов, крови или жизни, а иногда и того, и другого. И даже при идеальных условиях щель между мирами держится недолго. Значит, всё должно быть готово в срок. Опоздаю хоть на один день - и останусь в этом мире навсегда, в теле женщины, которое мне не принадлежит.

Вот почему траурные сплетни и косые взгляды для меня ничто. Нет права на годы печали или долгие игры. Лишь шестьдесят четыре дня, чтобы соблазнить или обмануть Рауттена, вырвать у него таль и успеть к назначенному часу.

Глава 7

Когда тишину нарушают шаги и быстрый голос Томаса, выдыхаю скопившееся напряжение. Это как ходить по лезвию ножа, боясь, что каждый шаг может стать последним.

Отдёргиваю руку от лица наместника, слегка поворачивая голову в сторону. Кажется, он недоволен тем, что нас прервали, но ничего не говорит на этот счёт. Действие таля недолговечно, всё зависит от конкретного человека, на которого воздействует хозяин. Исследования показали максимальный разбег в двадцать минут между испытуемыми.

- Карета подана. Я отвезу сестру домой, ей необходимо отдохнуть и прийти в себя.

- Конечно, - соглашается Зэйд, больше не используя артефакт. Он спокойно наблюдает, как Томас подхватывает меня под локоть, помогая подняться с места.

- Однажды я навещу вас, эрдана, - звучит в спину его голос. И что-то мне подсказывает, что это будет очень скоро.

Мы выбираемся на улицу, и тут же зажимаюсь от яркого света. Срочно следует обзавестись зонтом и очками, хотя, что-то мне подсказывает, если первое у дам здесь в почёте, то в очках я буду привлекать внимание. С одной стороны, мне это не нужно, с другой, это облегчит мне жизнь. Вокруг толпа, которая с интересом смотрит на то, как из храма выбрался живой мертвец, которого они привезли сюда хоро-

нить пару часов назад.

Слышны пересуды и шёпот, но мне не до них. Необходимо быстрее приступить к миссии, но сперва действительно отдохнуть

- Где мой муж? – интересуюсь.

- Сперва его тело осмотрят дознаватели, чтобы понять, не было ли это убийством.

- Все же видели, что он упал, как только увидел меня. Наверное, сердце.

Сжимаюсь внутренне, понимаю, что сболтнула лишнего.

- Откуда ты знаешь, отчего он умер? – заинтересованно спрашивает Томас.

- Мы несколько лет в браке, я выучила привычки Пурфа и знаю о его больном сердце, - привираю. - К тому же слышала его голос рядом, звук падение, а потом разговоры. Нетрудно догадаться.

- Да, - соглашается брат, переставая меня подозревать. – О чём вы говорили с наместником?

- Он интересовался моей слепотой.

- Осторожнее с ним, Рауна, это очень опасный человек. Одно то, что его беспрекословно слушает народ, заставляет насторожиться.

Он не понимает, что происходит, но чувствует силу Зэйда. Следует как можно быстрее лишить его таля.

- Я послал за лекарем, он будет ждать тебя в замке, - информирует дальше.

- Зачем?

- Тебя чуть не похоронили, Рауна! Может, ты страдаешь какой-то болезнью, и тебе следует пустить кровь.

Если кому и следует её пустить, то Рауттену, а не мне. Но забота Томаса напоминает о том, что когда-то и у меня был человек, кому я была не безразлична.

- Я уеду сегодня вечером, - продолжает он. – Меня отпустили лишь на пару дней: проводить в последний путь сестру. И я безмерно счастлив, что ты жива, а этот негодяй мёртв.

Кажется, ему не нравился Хэствуд, и он открыто об этом говорит.

- Организацией похорон займётся Мортен. Ты же помнишь его?

Молчу, надеясь, что это риторический вопрос, и Томас не подводит, продолжая дальше.

- Я договарюсь, чтобы он прибыл завтра. Мой друг не оставит тебя в беде. Кстати, почему ты не спрашиваешь об отце?

Потому что мне неинтересно, но делаю вид, что спохватываюсь.

- Он был на похоронах?

- Соизволил лишь прислать цветы. Я видел этот ужасный букет. Следовало воскреснуть лишь затем, чтобы выбросить их, - усмехается, тут же извиняясь. – Я так и не смог простить ему то, что он сделал с тобой, Руана, - моих ладоней касается его рука. – То, что он сделал с вами обеими.

Глава 8

За время поездки с Томасом удаётся выяснить, что с нашей матерью отец особенно не церемонился, чем свёл её в могилу слишком рано. Упрекал её в том, что она родила ребёнка с изъяном, что проще было умертвить Рауну, чем нести позор. А как только дочери исполнилось девятнадцать, продал её. Для него Рауна была беспородной скотиной, за которую хоть пару акатов выручить и то счастье.

Томас в то время уехал по службе, не подозревая, что через два месяца, вернувшись, обнаружит сестру не дома, а у старика Хэствуда: мерзкого и отвратительного антиквара, старого скряги с каменным сердцем, о котором ходили слухи, что он заporол насмерть мальчишку, укравшего у него часы.

Томас был в гневе, расхаживая по кабинету отца. Но скандала учинить Брун Насторн не дал, убедив сына, что Рауна не просто невеста, а жена, потерявшая честь. И покинуть дом мужа она может лишь несколькими способами, не навлекая позор на семью: покойницей и вдовой.

- Я никогда не говорил тебе, - рассказывает негромко Томас, - наверное, боялся. Но в тот момент, когда я узнал, что ты теперь вынуждена жить в доме человека, который тебе противен, хотел убить Пурфа. Да, - хмыкает он, - я думал, как будет лучше это сделать.

Я плохо знаю брата Рауны, но понимаю: он добрый трус. Неужели, не предполагал, что произойдёт, покинь он отчий дом? Неужели не подозревал отца, что всю жизнь гнобил дочь-инвалида за ущербность, что тот захочет избавиться от неё в любой момент? Не удивлюсь, если поездка младшего Насторна была спланирована заранее.

- Но сейчас всё будет по-другому, - продолжает он, пока карету качает по мостовой. - Ты не одна, ты не вещь и не товар. И не просто свободна. Теперь ты - полноправная эрдана замка и всего, что принадлежало этому негодяю.

А я неплохо устроилась. Из бестелесного существования в хозяйку антикварной лавки и прочей недвижимости. Может, стоит здесь задержаться больше, чем на пару месяцев? Утолить жажду, наесться вдоволь, испробовать все увеселения этого мира?

- Мортен проследит, чтобы похороны прошли должным образом, чтобы твое имя не опорочили. И когда улягутся шёпоты – можешь выбрать мужа по сердцу. Мортен никогда не признавался, но он любит тебя. Всем сердцем, всей душой, и не обязательно иметь глаза, чтобы разглядеть его чувства.

Меня что уже сватают за другого? То есть его сватают мне? Тело Хэствуда ещё не остыло, а брат подсовывает сестре нового мужа.

- Как только до отца дойдут слухи, что ты не просто жива, а овдовела, он тут же бросит всё и прискачет сюда, чтобы говорить о том, как его заставила нужда продать тебя. Что

именно благодаря ему ты стала богатой эрданой. Он станет плакаться о своих плохо идущих делах, о здоровье, о разваливающемся доме, в котором мы выросли. Надеюсь, ты останешься глуха к его мольбам, сестра.

Не только слепа, но и глуха. Кажется, впереди меня ждут подковёрные игры, потому что я стала лакомым куском для многих. Ведь слепая не может увидеть, а различать ложь следует только по голосу. Задача со звёздочкой.

Не поднимаю глаз, держу вид слепой, но внутри счетчик тик-так: шестьдесят четыре дня. Мне не только предстоит подобраться как можно ближе к наместнику, но и дать от ворот поворот этому Мортену, кем бы он не был.

- Спасибо, Томас, - говорю тихо, и голос звучит так, как и должен: слабым от горя и усталости. - Спасибо, что помогаешь.

- Иначе и быть не может, - отзывается на это.

Мы въезжаем в ворота и добираемся до крыльца. Томас первым покидает карету, помогая мне выбраться. Несколько слуг, встречающие господина, выглядят ошеломлённо. Ещё бы, они не ожидали увидеть меня снова.

- Поклонитесь своей эрдане, - командует Томас, и в его голосе слышится превосходство.

Слуги переглядываются, не понимая, отчего должны исполнять приказы чужого, а я говорю.

- Не стоит гнуть спину для того, кто этого не оценит ни взором, ни сердцем. Буду благодарна горячей ванной и обе-

ду.

- Конечно, эрдана Рауна, - доносится низкий мужской голос. — Рады видеть вас снова.

И по его ласковой улыбке я понимаю: он ни капли не лжёт.

Глава 9

- Перед тем как войти в дом, позвольте полюбопытствовать, кто ваш спутник, эрдана Хэствуд? – задаёт вопрос дворецкий, вытянувшись по струнке и не глядя на Томаса.

Значит, слуга впервые видит мужчину, что пришёл со мной. Неужели Томас ни разу не навещал свою сестру? А говорил, как любит её и переживает. По крайней мере это всё очень странно.

- Кто ты такой, чтобы задавать подобные вопросы хозяйке? – отчего-то кипятится тот. – Тебе следует..., - но я нащупываю его плечо, укладывая на него руку, и брат тут же замолкает. У меня складывается ощущение, что он, находясь куда ниже на социальной лестнице, желает обрести титул сестры. А пока, уверенный в том, что имеет право вести себя, как ему захочется, грубит прислуге. Но я не из тех, кто возвысится, имея регалии. Для меня вопрос не в титулах, а в чести и достоинстве. И пока я вижу, что старый камердинер ведёт себя куда благороднее моего сопровождающего.

- Это мой брат, - отвечаю спокойно. – Томас.

- Позволю напомнить, что эрд Пурф не любит, когда вы приводите в дом гостей.

- Этот старик мёртв, - вырывается у Томаса, хотя я бы предпочла донести до слуг известие в иной манере. – А потому приказы теперь станет раздавать вдова Хэствуд, и она

перед вами!

Мне совершенно не нравится его тон.

- К сожалению, мой супруг скончался около двух часов назад, - объясняю, ощущая, как кривится за спиной брат. Уточнять по какому поводу не хочу. Уверена, она и так задаются вопросом: каким образом уехал живым один, а вернулся другой. - В ближайшее время станем готовиться к похоронам.

- Зачем ты ему что-то объясняешь? - не выдерживает Томас? - Слуги созданы, чтобы им отдавать приказы, а не вводить в курс дела.

- Пурф Хэствуд был хозяином этого замка больше пятидесяти лет, - говорю максимум, который приходит в голову.

- Если быть точнее, то пятьдесят пять, сразу после того, как его отец пропал без вести, - уточняет дворецкий.

- И я убеждена, что этот мужчина...

- Огуст, эрдана Рауна, - подсказывает он мне.

- Благодарю, - киваю, - так вот, полагаю, что Огуст и остальные имеют право знать, что теперь мой муж не вернётся, и порядок посещения будет иным.

- Как прикажете.

Лицо Томаса недружелюбное. Если у него имеются слуги, я им не завидую.

- Добро пожаловать в Ашфорн, - слегка кланяется Огуст, приглашая внутрь.

- Зря ты так с прислугой, - доносится шёпот до уха. - Нуж-

но их держать в кулаке.

Недолго он притворялся милым и заботливым. Вполне возможно, с сестрой он и дальше будет так себя вести, а вот уважать, по всей видимости, может лишь только титул.

На его реплику не реагирую, пока следует всё же присмотреться ко всем, а потом уже выбирать верную сторону. Я здесь не для того, чтобы менять уклад, и дружба брата может пригодиться.

Входим в замок, и меня окутывает запах пыли, старого дерева и прелых тканей. Несмотря на день в большом холле довольно мрачно: или задёрнуты шторы, или покрашены окна. И если для Рауны это не имело значения, то Пурф пошёл на жертвы нарочно, имея в арсенале предметы, боящиеся солнечного света. Слишком много лет здесь копили хлам, слишком мало заботились о воздухе.

Антиквар Хэствуд коллекционировал всё: предметы старины, картины, книги, инструменты и вещи, которые давно утратили цену и смысл, но он продолжал их хранить, словно кладбище памяти.

Стены коридора увешаны потемневшими от времени портретами, смотрящими зловеще из мрака и цепляя взглядом каждого вошедшего. Огромная люстра под потолком должна светить ярко, но вместо неё несколько магических шаров создают эффект предзакатного света.

- Идите за мной, - говорит камердинер, поворачиваясь к нам спиной, а я ощущаю, как меня касается чья-то рука. За-

бываюсь, что слепая, и поворачиваю голову. Служанка глядит на меня испуганно, потому что я смотрю ей прямоком в глаза.

- Сестра, позволь, - под локоть ныряет рука Томаса, который тут же мягко увлекает меня за собой по длинному коридору, покрытому старым пыльным ковром. Он мягок, но представляю, сколько там грязи. Вряд ли здесь уборка в почёте.

Под ногами гулко скрипят половицы, шаги Томаса уверенные, но напряжённые, он ведёт меня так, словно боится, что я зацеплюсь за что-то острое, и всё время держит под руку.

- Осторожнее, - говорит тихо, когда мы минуем массивный сундук с коваными замками. - Этот дом скорее склад, чем жилище, - шепчет так тихо, что слышу его только я. - Как только улажу свои дела, вернусь и помогу тебе избавиться от хлама.

Кажется, он уже решил, что приберёт к рукам всё, что плохо лежит. Что можно использовать младшую слепую сестру в своих целях, и она безропотно согласится на любой исход. Что ж, у меня для него плохие новости. Потому что я и Рауна два разных человека.

Впереди шагает дворецкий: сухощавый мужчина с залысиной на макушке, которую, по всей видимости, пытается скрывать зачёсом. Немного согнутый от времени, как принято у стариков. Он движется плавно и уверенно, по всей

видимости поступил на службу ещё будучи молодым, да так и состарился в замке, не имея семьи. Не знаю, отчего-то мне казалось именно так, хотя, может, я ошибаюсь.

- Если позволите, эрдана, я проведу вас в покои. Ваш супруг при жизни считал их слишком «изнеженными» и не позволял пользоваться. Но, быть может, сегодня вам будет приятно отдохнуть там.

- Вы окажете мне услугу, - отзываюсь. И мы начинаем подниматься по широкой лестнице.

Глава 10

Мы поднимаемся по широкой лестнице, перила которой холодны и гладки, будто отполированы десятками рук. Кто знает, насколько быстро здесь передвигалась Рауна, но мне нельзя смотреть вниз, как мы обычно привыкли, чтобы оценивать высоту и ширину ступеней. Вместо этого блуждаю по потолку, стараясь не задерживаться нигде взглядом.

Комната, о которой говорил дворецкий, разместилась в паре метров от лестницы. Воздух здесь свежее, чем внизу, и до моего лица добирается лёгкий ветерок. Видимо, где-то открыто окно.

Дверь в мои покои открывается с тихим скрипом. И впервые ощущаю пространство, которое принадлежит мне по праву, но которое никогда не видела сама Рауна. Точнее, видеть его она не могла априори, но и находиться здесь ей никто не позволял. Уточнять, где именно была комната хозяйки, не стану. По крайней мере сейчас. Хочу как можно скорее оказаться одна, потому что притворяться оказалось не так-то и просто.

- Как только ванная будет готова, я вернусь за вами, эрдана Рауна, - говорит Огуст, намереваясь оставить нас с Томасом наедине. Но я больше не выдержу ни его присутствия, ни какого-либо другого.

- Разместите моего брата в одной из комнат, пожалуйста,

- голос такой слащавый, что следует привыкать к нему. Нет, он красив, но команды им отдавать не выйдет, большой резонанс. Он больше подходит для ангела, которым, по всей видимости, была погибшая девушка. И я прошу себя потерпеть. Хотя лучше такой голос, чем никакого вообще. Чем снова бесчувственность и отсутствие времени в фиере.

- Как прикажете, - отзывается дворецкий, приглашая Томаса на выход, И, как только за ними закрывается дверь, слышу, как он распоряжается, чтобы подготовили апартаменты для его друга, который в скором времени прибудет помогать мне с похоронами, а так же накрыли на стол, потому что он безумно проголодался.

Подбегаю к двери, находя засов, и тут же закрываюсь изнутри. Слепым тоже необходимо личное пространство. Начинаю обследовать комнату, чтобы запомнить, где что лежит.

Спальня большая, с высоким потолком. Воздух пахнет лавандой и сухими розами. Здесь позаботились о том, чтобы не поселилась плесень. И видно, что уборку проводили совсем недавно.

Ткани мягкие, густые: шторы из тяжёлого бархата, покрывало на широкой кровати плотное с вышивкой по краям. Прикасаюсь к нему ладонью: узор выющийся, витиеватый, словно корни дерева. Закрываю глаза, пытаюсь запомнить, как отзывается каждое прикосновение на пальцах. Это может пригодиться в моей «работе». Кто знает, в каком месте

окажусь, следует быть готовой ко всему.

Рауна должна была научиться отличать ткани и материалы, узоры и изображения животных. Учитывая, что теперь мне придётся вступать в тесный контакт с наместником, надо схватить хотя бы азы.

У окна стоит кресло с высокой спинкой и столик из тёмного дерева, на котором аккуратно сложены книги. Нарочно открываю их, осознавая, что они созданы для слепых. Только проблема в том, что невозможно выучиться подобной технике, не имея тела. А я получала задание, уже находясь в капсуле, а потому мои навыки лишь теоретические, а не практические. Остаётся надеяться, что проверять в ближайшее время меня никто не будет. Или же придётся сослаться на болезнь, которая нарушает нейронные связи, а вместе с ними и мою память.

Рядом со столом камин, который явно давно не разжигали, но он пахнет пеплом и древесиной. В углу высокий шкаф, и я ощущаю запах мыла и воск, словно мебель здесь чистили, готовили к моему приходу. Только понимаю, что это глупости: тело увезли сегодня хоронить, и уж никак не рассчитывали, что я вернусь. Стало быть, комнату вычищали не для меня? Но для кого?

Пурф никогда не позволял Рауне входить сюда. Хранил комнату пустой. А ведь это и её дом тоже!

Обещаю себе, что в ближайшее время разыщу угол, который занимала она до этого, ведь Огуст отчего-то назвал эту

комнату слишком «изнеженными» покоем. Хотя я не различаю здесь ничего помпезного и вычурного. Просто жилое помещение.

Провожу ладонью по подлокотнику кресла, нахожу шёлковую подушку и зеваю. В последний раз усталость и желание поспать ощущала тридцать лет назад. По телу приятной волной проходит нега, как только ложусь на кровать, и, закрыв глаза, ощущая себя снова в фиере. В животе призывно урчит, напоминая о такой детали, как голод.

Тут же открываю веки, проверяя, что новая жизнь мне не кажется, и улыбаюсь. Не думала, что стану скучать спазмам в кишках, но да, я рада их приветствовать, и во рту появляется слюна, предвкушая еду.

Я снова жива, пусть ненадолго, но следует взять от задания максимум удовольствий.

Глава 11

Спустя полчаса в дверь стучат, и мне приходится открыть. «Смотрю» ухом, повернув голову на звук, и служанка оповещает, что прибыли вёдра и ванная. Что ж, давайте покончим с этим скорее, а потом уже можно будет поесть и выпроводить брата подальше отсюда. В комнату проходят две девушки и несколько мужчин с водой.

Одну из служанок я уже видела, именно она смотрела на меня испуганно. Осталось понять почему. Вот и теперь она подходит ближе, будто не зная, как себя вести. И откровенно тарашится, а я делаю вид, что не вижу.

- Малайя, - шикает в её сторону вторая служанка. – За работу!

Слышу, как булькает вода в ведрах, как она хлещет, стелкиваясь со стенками ванной, и от этого звука по коже бегут мурашки. Потом шелест льна, когда служанки развешивают полотенца на резной ширме, и тихие шаги по дощатому полу, после чего дверь закрывается.

Но меня покинули лишь мужчины, девушки приступают к следующему этапу, который мне неприятен. Представлять, что тебя касаются чужие руки и моют в разных местах – не хочется, а уж ощущать – тем более. Но другого выхода нет. По легенде сама я не справлюсь со всем.

Светловолосая берёт мешок и добывает оттуда травы,

укладывая их в тряпку, больше напоминающую марлю, а затем размещает её в ванной, от которой вверх поднимается пар. Тут же воздух наполняется приятным луговым ароматом, и складывается чувство, что для меня готовят огромную кружку чая.

Малайя то и дело смотрит в мою сторону, кажется, она единственная, кто догадался о том, что я могу видеть. Или же единственная, кто так откровенно об этом говорит своим поведением. Следует разубедить её в этом во что бы то ни стало.

- Проводите меня в уборную, - прошу, вытягивая руки вперёд, и нарочно иду в сторону ведра. Малайя бросает взгляд на пол, явно различая препятствие, но молчит, продолжая наблюдать за тем, что я сделаю.

Что ж, придётся упасть.

- Осторожно, эрдана, - спохватывается вторая служанка позади меня слишком поздно, и я с грохотом падаю на пол, подворачивая попутно ногу. Ко всему прочему прикладываюсь головой об ванную, явственно слыша, как треснула черепная коробка. Нет, конечно, мне это лишь кажется, но невыносимая боль разливается по телу, и я хватаюсь за голову, а рядом взвизгивает служанка, оказываясь рядом.

- Неужели, ты не видела? – набрасывается с упрёком на Малайю, вид у которой теперь какой-то растерянный. Кажется, её уверенность пошатнулась, впрочем, как и моё здоровье, потому что момент с ванной был случайностью.

- Моя голова, - раздаётся кряхтение, и меня подхватывают четыре руки, перемещая на кровать. Укладывают на подушки, пока я лежу с закрытыми глазами, и топот ног подсказывает, что одна из них отправилась за помощью.

- Вы же не эрдана Раунда, - раздаётся голос надо мной. – Не понимаю, кто вы, но я слишком хорошо знала госпожу, чтобы с уверенностью сказать: вы – не она.

А я страшилась великого наместника. Вот где настоящая опасность – обычная служанка. Не поднимаю веки, боясь выдать себя. Держусь за голову, изображая на лице невыносимую боль.

- Когда я пришла в себя в церкви и осознала, что меня намереваются похоронить, пришла в ужас! – решаю сместить вектор в это русло. Говорю тихо, будто вот-вот умру. Что же выдаёт меня? Осознать бы, чтобы запутать эту девчонку. – И знаешь, что я сделала, Малайя? – вовлекаю её в разговор, чтобы у неё было меньше времени анализировать. Нашупываю её руку, сжимая своей. Так рождается близость и единение. – Как только я услышала ненавистный голос своего мужа, пожалела, что не умерла. Я ругала богов, что они не дали мне избавление, потому что это была не жизнь.

Жаль, не могу видеть эмоций служанки, это мне бы пригодилось.

- Я так несчастна была с ним, Малайя, но боги решили, что моих мук недостаточно, и вернули меня обратно, - мой голос срывается на хрип, и я плачу. Тело не подвело. Мето-

дика, которой я обучалась лет сорок тому назад, сработала и теперь. Женские слёзы способны сбивать с настроения многих, и вот сейчас ощущаю, что уверенность служанки пошатнулась.

Снова топот ног, и по тому, как меня трогают чьи-то чужие руки, осознаю: мне привели лекаря.

- Кто виновен в том, что моя сестра чуть не погибла? – требовательный голос Томаса. О, его теперь я узнаю и с закрытыми глазами. И сейчас рада, что он вмешался. А тем временем мою голову ощупывают чьи-то руки.

- Она сама, - блеет вторая служанка, пытаясь выгородить их обеих.

- У неё недуг! – громко заявляет брат. – И, если что-то происходит, виноват тот, у кого есть глаза. Я прикажу выпороть вас обеих! – входит в роль злодея-эрда, и пусть мои веки закрыты, слышу усмешку в его голосе и представляю ехидную улыбку. А ещё мертвенно-бледное лицо служанки, которая, ахнув, тут же начала причитать, что она вообще стояла в другом месте.

- Выходит, виновата ты? – звучит голос в мою сторону, потому что он обращается к Малайе.

Она молчит, и мне даже становится её жаль.

- Дворецкий! – зовёт Томас.

- Моё имя Огуст, - замечает тот.

- Неважно, - чувствует себя полновластным хозяином Томас. – Уведи девку, чтобы больше она не приближалась к эр-

дане.

Чувствую, как мою руку сжимает Малайя. Мы так и не разомкнули ладони, и теперь она просила этим действием защиты. А я стояла перед выбором: отправить неуютную подалее от себя или же заступиться?

Глава 12

Дом и слуги всё же принадлежат мне, а потому включаю хозяйку.

- Нет! - мой голос звучит тише, чем хотелось бы, но он режет воздух. - Она ни при чём. Это было случайностью. Я сама напоролась на что-то.

В комнате наступает короткая пауза, даже стены замирают, прислушиваясь к моим словам. Малайя сжимает мою руку чуть сильнее, и чувствую, как её дыхание становится ровнее. Она счастливо выдыхает, будто с плеч рухнул невидимый груз. Надеюсь, я обрела союзника, а не ищейку, которая продолжит меня подозревать.

Томас вслух ничего не говорит. А я не вижу, что именно отражается на его лице, потому что открывать глаза, когда надо мной колдует лекарь, – вероятность попасться. Могу полагаться лишь на свой слух.

- Как скажешь, сестра, - голос Томаса всё ещё нарочито холоден, но уже без прежнего яда. – Но ты не могла видеть наверняка. Пусть она тебя не толкала, но кто с уверенностью скажет, что не бросила под ноги что-то.

А он прав, чертовски прав. Я не могу этого знать наверняка, ведь я «слепа».

- Благодарю за заботу, но моё решение высказано, - у меня хватает сил улыбнуться. Лёгкая, почти призрачная улыбка.

- Ты очень сильно изменилась, - ещё одно подозрение на сей раз от брата, но я не стану идти у него на поводу лишь затем, чтобы быть хорошей. У меня другая задача.

- Мы давно не дети, Томас.

В этот момент лекарь отстраняется, и слышу, как щёлкает замками на своём саквояже.

- Лёгкий ушиб, эрдана, - произносит он. - Кости целы, кровоизлияния нет. Нужно лишь отдохнуть и не подниматься резко. Покой и теплая вода - лучшее лекарство.

- Благодарю, - шепчу, хотя на самом деле думаю, как же удачно всё складывается. Лёгкий ушиб, а значит, могу сыграть слабость, не опасаясь разоблачения.

- А теперь следует покинуть комнату, пусть эрдана отдохнёт, - вновь голос врача.

- А что скажете по поводу её чудесного воскрешения? - берёт быка за рога Томас. - Бывали ли подобные случаи в вашей практике? И не могла ли она, - он замолкает, а я слегка приподнимаю веки, различая, как дорогой братец крутит пальцем у виска. Вот с какой стороны забирается негодяй, хочет выставить меня недееспособной и отжать всё, что должно принадлежать его бедняжке сестре, которая заслужила хоть каплю счастья после всего, что с ней произошло.

- По мне девушка выглядит обычно, и ни о каком помешательстве не может идти речи, - встаёт на мою защиту лекарь.

- Позвольте пригласить вас на обед, - не сдаётся Томас, и они уходят вместе. А в комнате остаюсь я, две служанки и

Огуст.

- Ох, Рауна, - вздыхает дворецкий. – И зачем он только приехал? Отошлите его немедленно, он натворит тут дел.

Слышу приближающиеся шаги и моей руки касается ткань. Лёгкая, бархатная на ощупь, с тонкими завязками. Я провожу пальцами по её краю, наталкиваюсь на гладкие камешки: вставки, украшение.

- Я сберёг её для вас, - говорит ласково. – Эрд Хэствуд не желал видеть эту маску на вашем лице в последнюю минуту. Он сорвал её, приказав выбросить. А у меня рука не поднялась. Подарок матери, который вы берегли с таким усердием. Конечно, я даже не мог представить, что всё обернётся подобным образом, и вместо хозяина вернётесь вы. Но бесконечно рад такому положению дел. А теперь позвольте уйти, не нравится мне ваш брат, присмотреть за ним следует.

- Эрдана, что прикажете на счёт купания? – подаёт голос Малайя, как только дворецкий покидает спальню.

- Давайте покончим с этим быстрее.

Укладываю маску на кровать, позволяя поднять себя и раздеть.

Теплая вода обнимает, когда я наконец погружаюсь в ванну. Запах трав настолько расслабляет, что хочется застонать от облегчения. Ощущаю, как всё напряжение последних часов уходит в воду, а служанки принимаются колдовать над моими ногтями, приводя их в порядок. Затем идёт черёд волос и тела, которое нежно трут мочалками. Я думала, это

ужасно, но теперь, отдавшись на волю девушек, понимаю, что готова терпеть снова и снова.

Когда стою, облачённая в чистое платье, Малайя шепчет.

- Спасибо, что заступились. Извините, я сомневалась в вас. Теперь не подведу.

И её слова звучат музыкой для моих ушей.

- Прикажете подать маску? – интересуется вторая, и я решаю, как можно сильнее походить на прежнюю хозяйку тела, раз она носила этот атрибут. Мне помогают завязать на лице чёрную тонкую маску, но она сильно отличается от тех, что используют обычно для украшения или карнавалов. Всё дело в том, что у неё нет прорезей для глаз. Следует успокоиться и осознать, что это лишь вынужденная мера, временная, но сейчас я по-настоящему ощущаю чужую тьму. Рауна жила в этом мраке с рождения. Жила годами, десятилетиями, зная, что для неё света не существует, и неважно открыты глаза или закрыты. Сколько мужества должно быть в маленькой девочке, чтобы свыкнуться с этим...

- Всё готово, - слышу новый голос и силюсь распахнуть глаза, чтобы увидеть, кто здесь. Но маска напоминает о недуге, затрудняя поднять веки, и совершенно не пропускает свет.

- Эрдана Рауна, вас зовут к столу.

- Конечно, идёмте.

В мою руку вкладывают какой-то предмет, и не сразу осознаю, что это трость. Хорошо ещё не интересуюсь, для чего

мне её дали. Лишь спустя пару мгновений осознаю: так проще ориентироваться.

- Или предпочитаете, чтобы вас проводили? – понимает моё замешательство Малайя.

- Да, до сих пор кружится голова, - нагло вру, хватаясь за возможность использовать людей. Останусь наедине и буду изучать возможности трости. За столько лет Рауна должна была научиться передвигаться в пространстве. Но это настоящая Рауна, а я лишь заменитель, которому то и дело следует уворачиваться от опасности быть раскрытой.

Малайя берёт мою руку и укладывает на свой локоть.

- Я буду с вами и помогу, - снова шёпот, и я делаю первые шаги в крошечной тьме.

Глава 13

Теперь я могу полагаться лишь на слух, обоняние и осязание, по крайней мере в ближайшие пару часов, пока идём «маскарад». В детстве играли в «темноту». Водящему завязывали глаза, и он должен был искать в небольшом помещении остальных. Игра продолжалась, пока он не дотронется до самого нерасторопного, и все старались подглядеть снизу, чтобы увидеть чьи-то ноги.

Сумрак дома не позволяет различить ровным счётом ничего сквозь миллиметровую щёлку снизу. И я полагаюсь лишь на служанку, которая подсказывает мне про пороги, двери и ширину входа.

Когда добираемся до стола, и мне помогают сесть, испытываю облегчение, что мир больше не качается, и подо мной статичная опора. Руки касаются стола, нащупывают тарелку, и прихожу в ужас от того, как стану есть. Одно дело донести до рта бутерброд, и совсем другое зачерпнуть сперва что-то с тарелки, а затем отправить это по назначению. Мозг постоянно будет сигнализировать об опасности, не зная, что именно пытается съесть рот. Полагаюсь на то, что Малайя всё же будет со мной рядом.

- Огуст, там пришли, - слышу чей-то голос слева. Наверное, слуги.

- Это, должно быть, Мортен, - радостный голос брата, и

тут же приказ. – Принесите ещё одни приборы.

Удаляющиеся шаги и нависшая тишина. Безумно хочется сорвать маску, но предполагаю, что здесь несколько прислужников, Малайя и врач.

- Подскажите, лекарь, вы здесь? – задаю вопрос, напрягая слух.

- Да, эрдана. Сижу напротив вас в полуторе метров. Благодарю за то, что позволяете разделить с вами обед.

- Надеюсь, вы не пойдёте на поводу у моего брата, который явно перегибает палку со своей ролью в моей жизни.

- Я всегда был верен роду Хэствудов. Теперь вы одна из них. Увы, эрд Пруф не оставил после себя наследников. Точнее, - он делает паузу, - тех, кого бы он признал.

Выходит, всё же где-то есть маленькие Пруфики, которые и знать не знают о том, кто их настоящий отец. Странно, что старик не озаботился тем, кому отойдёт имение и всё остальное в случае его кончины.

У входа в столовую раздаются звуки жёсткого дыхания. Как если бы кто-то бежал настолько быстро и долго, что боялся не успеть.

- Эрдана Рауна, - звучит низкий чужой голос, а воображение рисует упитанного большого мужчину, который вытирает пот со лба. Конечно, я не вижу того, кто ко мне обращается, но кто сказал, что не могу его представлять? – Меня зовут Ульдин Жожер. Я поверенный вашего мужа, и хотел бы переговорить с вами наедине.

- Сестра, - тут же раздаётся голос Томаса. – Я провожу тебя в кабинет и останусь, чтобы видеть, что зачитает этот человек.

- Я бы хотел переговорить с эрданой с глазу на глаз.

- О каких глазах речь, поверенный, если моя сестра слепа?

Хорошо хоть не добавляет, как крот.

- С этих пор её интересы стану представлять я или мой друг, который появится здесь с минуты на минуту.

- Но..., - пытается возразить Ульдин.

- Никаких «но»! – перебивает его Томас, который мне уже изрядно надоел.

- Пожалуйста, присаживайтесь, - приглашаю гостя к столу и показываю рукой в неизвестном направлении. – Надеюсь, у вас есть полчаса, потому что я невыносимо голодна.

Слышу по кряхтению, что у Жожера нет сильного желания оставаться здесь дольше положенного, но от соглашается.

- Конечно, эрдана, сочту за честь.

Звук передвижения стульев, сопение, шелест бумаг, и слуги начинают, наконец-то, подавать блюда.

Первым чувствую хлеб: он тёплый, пахнет дрожжами, будто только что вынули из печи. За ним терпкий, чуть сладкий аромат запечённого мяса с пряностями, где доминирует розмарин. Сбоку что-то кислое, острое: возможно, маринованные овощи. А ещё сливочная волна тянется от блюда с соусом, густым, жирным, обещающим тепло.

Звуки дополняют картину: тонкий звон ножа о фарфор, мягкий плеск жидкости, наливаемой в кубок. Чуть дальше шорох ткани, это кто-то устраивается за столом.

Тянусь к первому блюду, позволяю пальцам скользить по краю тарелки, ощущая её округлость. Ложка встречает густоту супа, и я подношу его ко рту, вслушиваясь, как тихо остывает пар на губах. Обжигаюсь, но определяю вектор правильно. А это не так уж и сложно оказывается. Вкус насыщенный, мясной, и суп отзывается в желудке сладким спазмом.

Есть вслепую - значит слушать, как хрустят хрящи между зубами, как нож режет хрусткую корку хлеба, как драконий янтарь оставляет долгое послевкусие во рту, обжигая горло. С каждым глотком оживает тело, и вместе с ним память о том, что значит быть живой.

Я улыбаюсь, даже не пытаюсь скрыть этого. Впервые за тридцать лет мне вкусно.

Глава 14

Когда поднимаюсь из-за стола, воздух будто тяжелеет: в нём скопилось слишком много недосказанностей.

- Давайте переговорим в кабинете, Ульдин, - обращаюсь к нему, а затем к служанке. – Малайя, проводи меня.

Слышу недовольное хмыканье брата, но больше ни слова. Девушка тут берёт меня под локоть. Её пальцы холодны, но уверены, и это помогает не сбиться с направления. Шаги поверенного гулко отражаются от стен: тяжёлые, усталые, словно каждое движение даётся с усилием.

Мы проходим через коридор, и я надеюсь, что Томас останется позади. Но его недовольство всё равно идёт следом: липкое, колкое, будто тянущееся за мной облаком.

Кабинет встречает нас запахом старого дерева, чернил и пыли. Плотные шторы заглушают звуки снаружи, и мир сворачивается до размеров этого тесного пространства. Малайя усаживает меня в кресло, где когда-то сидел Пруф. Знаю наверняка, ведь она описывает всё, что происходит. Наверное, это было негласным правилом между ней и хозяйкой. И я радуюсь своему решению её оставить.

Дерево под пальцами гладкое, но с трещинами: стареющее, как и прежний собственник, которого уже нет. Перехватываю руку девушки, оставляя её при себе.

Жожер долго молчит. Слышу, как щёлкает замком, по

всей видимости, саквояжа. Как расправляет бумаги, как скрипят его сапоги, пока он пытается сесть удобнее.

- Может, останемся наедине? – предлагает, но я качаю головой.

- Можете говорить при Малайе, я ей доверяю.

Конечно, это поспешные выводы, но лучше с ней, чем вообще рядом с незнакомцем. Всё же поверенный Пурфа на его стороне, а вот служанка вполне может оказаться действительно преданной.

- Это, конечно, против правил, - откашливается, и готова поспорить, что сейчас он неимоверно потеет.

Когда, наконец, говорит, голос его звучит мягче, чем ожидалось, но в нём есть что-то опасное. Как в человеке, привыкшем сообщать дурные вести.

- Эрдана Рауна, - начинает он, и воздух будто замирает. – Позвольте выразить радость касательно вашей... - он откашливается, судорожно пытаясь придумать подходящее слово, - внезапной поправки, - находит нужное. - И разделить с вами скорбь по поводу кончины вашего супруга, - вплетает в одно предложение оба события. – Эрд Хэствуд рассчитывал в ближайшее время оформить завещание. Послушайте, может всё же я озвучу его содержание только вам?

- Продолжайте, пожалуйста, - не желаю менять решения. Где уверенность, что не согласись я на его условия, он не достанет нож и не пустит его в дело? Всё же надо было звать сюда Томаса. Он бы не позволил, чтобы что-то случилось со

мной.

- Да, как пожелаете, - недовольно бурчит Ульден. – Так вот, эрд Пурф собирался признать одного ребёнка своим, но смерть настигла его прежде, чем он смог подписать документ.

- Ребёнка? - голос мой звучит ровно, но я понимаю, что это дополнительная проблема. Сию же минуту сюда прибудет какая-нибудь женщина и станет качать права и портить мои планы. А у меня совершенно иные заботы. – Насколько я знаю, у моего мужа НЕТ детей.

- Это не так, эрдана, - отвечает поверенный. - Завтра сюда прибудет Олма Шендрос. Некогда она работала в замке, но после того, как понесла, её переправили в отдалённый регион, где она воспитывала сына. А теперь эрд Пурф пожелал дать юному Хэствуду достойную жизнь.

- Тогда у меня плохие новости для юного наследника, - решаю закончить наш разговор, потому что слышится звон посуды.

- Хотите, я посмотрю, что там происходит? – шёпотом интересуется Малайя.

- Позже.

- У меня сохранились письма, подтверждающие слова вашего мужа. А так же есть составленное завещание, которое я должен был привезти сегодня. Собственно, что и сделал. Дело за малым – подписать.

- Тогда вам следует порвать его, поскольку мой супруг ни-

как не сможет этого сделать. Кстати об этом, мне следует готовиться к похоронам, хочу, чтобы они прошли пышно. Он заслужил это.

- Но...

- Вы так не считаете? – перебиваю Жожера.

- Конечно, заслужил, - пытается он быть любезным, но в то же время протолкнуть свою правду. – Только сейчас вопрос очень щепетильный, и касается он живых.

- Думаю, ваши слова не понравились бы моему мужу, - стращаю его, и слышу кряхтение напротив.

- Я не это хотел сказать. Эрд Пурф всегда был для меня примерром и другом.

- Не утруждайтесь, он уже не слышит. Напишите письмо этой женщине, Сообщите о кончине эрда, - упираюсь ладонями в подлокотники, намереваясь встать.

- Это бессмысленно! Они пробыли в пути почти неделю и придут сюда уже завтра!

Наверное, что-то подобное я была намерена услышать, но до последнего надеялась, что обойдётся. Выходит, не успело супружеское ложе остыть, как новоиспечённый вдовец решил обзавестись другой семьёй.

- Вот, только взгляните, - снова шуршит бумагами Ульден, забывшись, с кем имеет дело. – Здесь всё указано. Малыш Бердон действительно сын эрда.

- Посмотреть? – переспрашиваю у него. – Вряд ли я прозрею лишь для того, чтобы увидеть завещание на чужое имя.

И до сих пор не понимаю, к чему вы клоните. Давайте перестанем ходить вокруг да около и перейдём к сути.

Снова звон посуды, на этот раз где-то ближе. Что там вообще происходит? Хочется сдёрнуть маску и бежать смотреть, но продолжаю играть выданную мне комитетом роль.

- Сжальтесь над сиротой, отпишите ему хотя бы что-то.
- Его мать жива, ведь так? – напоминаю и Жожеру и себе.
- Да.

- Тогда он точно не сирота. Но я подумаю, что можно с этим сделать, - решаю не рубить концы, иначе этот тип от меня не отстанет. – А теперь мне пора, если у вас нет других новостей для меня.

- Только эта. Но обещайте...

- Малайя, проводи меня обратно в столовую. Кажется, брат хочет оставить меня без посуды.

Она тут же умело подхватывает под локоть, и я доверюсь ей полностью, отправляясь следом. Но тут же останавливаюсь.

- Пойдите. Куда прибудет завтра эта женщина? – наконец доходит до меня смысл сказанного.

- Сюда, конечно! – торопится дать ответ поверенный. – В замок. Эрд даже выделил для неё особую комнату.

И кажется, теперь я знаю, какую именно. Ту, куда меня поселил Огуст.

Глава 15

Категорически высказаться по поводу женщины, что спешит сюда получить наследство, не успеваю, потому что в дверь сильно стучат. И, не дожидаясь ответа, сразу открывают. Ощущаю движение воздуха, и голос Томаса оповещает, что это он.

- Рауна, прибыл Мортен.

И я должна броситься к нему бежать? Кто вообще это такой?

- Вы закончили? – интересуется брат, но вряд ли ему нужна правда. А я не желаю, чтобы он знал сейчас про эту женщину.

- Да, Ульдин уже уходит. Всего доброго, - это уже поверенному. – А что за звуки сейчас были?

- Какие? – Томас делает вид, что не понимает.

- Я определённо слышала звон стекла.

- Ах, это, - выдыхает так, будто глупости. – Неуклюжие слуги. Тебе следует поменять как минимум пятерых.

Если он так говорит, значит, этих пятерых мне как раз и не следует менять. Уверена, они говорили или делали что-то поперёк.

- Он здесь, - тут же шепчет мне на ухо Малайя, и я понимаю: она о том, кого так ждал Томас.

Новый голос доносится до моих ушей: низкий, с хрипот-

дой. В такой можно влюбиться.

- Эрдана Рауна, выражаю вам соболезнование касательно утраты. Вся Вальтатра скорбит вместе с вами, - говорит никому не нужные слова. - Как только узнал, что меня ждут, сразу же прибыл.

Чувствую, как мою руку осторожно трогают и тянут вверх. Не сопротивляюсь, и горячие губы запечатлевают на тыльной стороне ладони поцелуй. А он ещё и галантен. Не удивлюсь, окажись этот друг альфонсом.

- Позвольте взвалить на себя организацию похорон, понимая, в каком состоянии вы теперь находитесь, пока ваш брат улаживает свои дела.

- Благодарю за такое повышенное внимание и беспокойство, - забираю у него свою руку, - но это лишнее.

- Сестра не в себе, - берёт слово Томас, а Малайя быстро шепчет.

- Высокий. Чёрные волосы, на лбу шрам, глаза - серые, как олово. Одет небогато, но добротно. И он смотрит прямо на вас, хотя вы, наверное, чувствуете это и без меня.

- Чувствую, - улыбаюсь. - Благодарю, Малайя.

- Может, переговорим без служанки? – бархатный баритон.

Голос у него уверенный, но в нём есть нечто, что настораживает. Как будто человек привык отдавать приказы и получать ответы, не терпя возражений.

- Нет, что вы. Она – мои глаза. Не хотите ведь вы меня ли-

шить зрения? – спрашиваю, выдавливая лёгкую улыбку. – А касательно похорон хочется уточнить: обязательно займусь ими сама в ближайшее время. Приношу извинение, что оторвали вас от важных дел. Предложила бы чай, но, признать-ся, устала. Хочется отдохнуть.

Делаю шаг, и служанка тут же понимает, что от неё ждут, и движется со мной, но моего плеча касается чья-то рука.

- Рауна! – рычит Томас. – Ты оказываешь Мортену неуважение!

- Ничего, дорогой друг, - останавливает его баритон, и пальцы не так сильно сдавливают моё тело. - Твоей сестре действительно необходимо отдохнуть. Столько событий в один день. И не стану оскорблять её тону, спешу всё на потрясение. Ни одной знакомой мне женщине не привелось воскреснуть и узнать о смерти мужа в один день. Разумеется, никто из нас не желал вас обидеть. Я здесь, чтобы помочь, не более.

Тогда вынесите себя сами.

Думаю, но не говорю. Всё же следует обходить острые углы не так резко.

- Вы очень добры, Мортен, - не знаю его титула, потому называю просто имя. – Благодарю за понимание. С вашего позволения.

Мне всё же удаётся протиснуться в коридор и сбежать, пока Малайя описывает происходящее дальше.

- Они смотрят, как мы удаляемся. Ваш брат невероятно

взбешён. Вы никогда не вели себя так уверенно ни с одним человеком.

Это плохо. Мне нельзя выдавать себя. Но изображай я покорную овечку, не смогу добиться желаемого в короткие сроки. Отдай всё на волю этому Томасу, и кто знает, возможно уже завтра окажусь в каком-нибудь монастыре или доме для умалишённых. Ну нет, таких родственников нельзя подпускать к деньгам и власти на пушечный выстрел. Ещё и этот баритон, который доставит хлопот.

- Отведи меня в комнату и позови Огуста, - прошу Малайю, и она делает то, что велено.

Дворецкий входит намеренно громко, чтобы я точно знала, что он делает и где именно. Это уважение к своей хозяйке.

- Пожалуйста, присмотри за нашими гостями в ближайшее время. И скажи, кто распоряжается деньгами? Мне требуются суммы для организации похорон и некоторых личных покупок.

- Этим занимается поверенный вашего мужа. Он как раз только что ушёл.

- Тогда отправьте к нему посыльного. Мне срочно нужны деньги.

- Как прикажете.

Наконец, остаюсь одна. Запираю двери и снимаю маску, открывая глаза. Держать их всё время закрытыми безумно неприятно и непривычно. Словно спать стоя. Промаргива-

юсь и падаю на кровать. Сегодня никто меня из этой комнаты не выманит. А завтра...

Завтра начинается война.

Глава 16

Утром узнаю, что гости вчера покинули дом: Томас - нервно, Мортен слишком спокойно. Ненавистная маска снова на мне, но я тешу себя надеждой, что сегодня же избавлюсь от этого мрака.

- Ульдин Жожер прислал небольшую сумму, - оповещает дворецкий. – А ещё вам записка, эрдана, - говорит Огуст. – Ваш брат настаивал на личной встрече, но я отказал. Тогда он написал послание.

- Прочитайте.

Шуршит бумага, а затем слова.

- Дорогая сестра. Мне пришлось покинуть твой негостеприимный дом. Надеюсь, в следующий визит твои слуги и ты сама будете более любезны. Мортен не захотел стеснять тебя, отправившись домой. Завтра после обеда (он мог и с утра, но даст возможность тебе выспаться), - тут Огуст делает паузу, и в его многозначительном молчании слышится ухмылка, - завтра после обеда, - повторяет он, чтобы я смогла уловить суть фразы целиком, - Мортен навестит тебя. Ты можешь полностью полагаться на него. Он не только мой друг, но и твой.

С уважением, Томас Насторн. Твой любящий брат.

Бумага снова шуршит, и хоть я не вижу выражения лица Огуста, уверена: оно не безэмоциональное.

- Заложите мне карету, - прошу, слыша, как разливают чай.

- Как далеко эрдана намерена ехать?

- К лавочнику, торгующему стёклами, - отвечаю спокойно.

- Но в доме не нужны стёкла, - голос слегка обескуражен.

- Или это для эрда?

Хрустальный гроб? Оригинально, если я намерена привлечь к себе внимание той части города, что ещё не смотрит в мою сторону.

- Это для меня, Огуст.

- Если хотите, я могу сам выполнить поручение.

- Благодарю, но мне следует выбраться из дома хотя бы ненадолго. К тому же очки следует примерить.

- Очки? – воистину, я ошарашила дворецкого.

- Не беспокойтесь, Огуст, я прекрасно понимаю: это не вернёт зрение. Но следует идти в ногу с модой и выглядеть более современно, чем перебинтовать свою голову лентой.

- Конечно, эрдана, - он соглашается, но интонация совсем не согласия.

- Надеюсь, когда ты увидишь, что вышло, то изменишь своё решение, - говорю с улыбкой.

- Полностью с вами согласен, - говорит уже более спокойно. - Я найду лучшего мастера в округе.

- Найдите того, кто честен, - поправляю я. - Это куда важнее. И поторопитесь, пожалуйста, я не хочу, чтобы со мной увязался господин Мортен.

- Конечно.

Улица встречает нас густым туманом: влажным, холодным, с запахом мокрой земли и осенней листвы. Мир за стенами имения звучит иначе: шуршание колёс по гравию, отдалённое ржание лошадей, хруст веток под копытами.

- Скажи, - спрашиваю я служанку, - как выглядит дорога сейчас?

- Серая, как мокрый пепел, - отвечает Малайя. - А туман тянется до самой рощи. Ветки там голые, словно пальцы. Только редкие листья ещё держатся.

Она знает, что у неё описания, будто читаешь книгу? Красиво и поэтично.

Дорога тянется дольше, чем я ожидала. Повозка покачивается, и каждая кочка отдаётся неприятным ощущением в груди. Сегодня приедет Ольма Шендрос. Женщина, которая намерена заявить права на Ашфорн – имение «моего мужа». И вторгнется в мою жизнь запахом чужих духов, колкими взглядами и дыханием ребёнка, которому суждено стать проблемой для всех нас.

Но кто сказал, что будет легко?

Мы останавливаемся у лавки, и, наконец, можно выйти. Кучер помогает мне выбраться, подхватывая за талию, когда я намерена свалиться с подножки, а Малайя провожает до аптеки, и звон колокольчика над дверью - тонкий, почти радостный звук, - оповещает, что мы на месте.

- Маленькая лавка, - шепчет Малайя. - Витрины в пожел-

тевших от времени стёклах. На полках линзы, оправы, какие-то блестящие инструменты. В углу - старик, седой, в очках, в несколько слоёв луп. Он улыбается, глядя на нас.

- Значит, он видит лучше, чем все остальные, - говорю я.

- Не только видит, но и слышит, - доносится до ушей скрипучий голос. – Жаль, что такие милые барышни принимают меня за старика, - хрипит он смехом.

- Простите, - тушется Малайя.

- Если глаза можно обмануть, то слух нет, - не соглашаюсь с ним. – Вы действительно в возрасте.

- Ну конечно, юная леди, - кричит он, - вы абсолютно правы.

- Моё имя...

- Я знаю, кто вы – эрдана Хэствуд. Ваш муж намеревается закрыть мою лавку в ближайшее время. Негодяй хочет лучшее место для своих безделушек, в которых он души не чает. Хотя, признаться, я уверен, что у него нет души. Передайте ему, что однажды деньги станут ему поперёк горла.

- Увы, не смогу этого сделать, поскольку вчера он скоропостижно скончался.

Повисает пауза, а я продолжаю.

- Теперь можете не беспокоиться на счёт своего переезда, я не стану продолжать дело своего мужа. Но мне нужна услуга.

- Конечно, дорогая, всё, что угодно.

- Сможете ли вы сделать для меня очки?

- Боюсь даже магия тут бессильна.

- Мне нужны очки, вместо этого, - касаюсь тонкого материала на своём лице. – С тёмными стёклами, за которыми не будет видно моих глаз. Сделайте тёмно-синие, чёрные, зелёные, - перечисляю, понимая, что не могу просто знать, как именно выглядят цвета. – Мне так советовали, - поспешно добавляю. – Пусть их будет несколько под разные платья.

- А что с формой?

- На ваше усмотрение. Я всё равно не вижу, но вам доверюсь. Ваш голос подсказывает, что вы будете со мной честны.

- Благодарю за доверие, эрдана.

Он снимает с меня необходимые мерки, обещая через пару дней прислать заказ. Знал бы он, что я буду ждать этих очков, как чуда... Но он ещё один человек, которому мне приходится лгать.

Глава 17

Очки заказаны, теперь следует соблюсти приличия и разыскать мужа, и я приказываю кучеру отвезти меня в местный морг. Выбравшись из экипажа, понимаю, что идея не из лучших, ведь слышу голос великого наместника, который тут же предлагает мне свою руку для сопровождения.

Он здесь откуда и для чего?

- Не откажите в любезности, эрдана, я провожу вас к Пурфу, а вы расскажете, как идут приготовления к похоронам. Планируете что-то особенное?

Он намекает на фейерверк и походный оркестр?

- Планирую похоронить его, как обязывает титул.

И так, чтобы он не выбрался, - хочется добавить, но молчу.

Многое бы отдала, чтобы видеть выражение лица наместника, потому что всё же оценивать происходящее нужно пятимерно. Он касается моей руки, размещённой под локтем, будто поправляет её. Но причина, на мой взгляд, кроется в другом. Он проверяет меня. И теперь я рада, что отгорожена от Зэйда тканью, за которую не заглянуть.

- Кстати, эта маска вам очень к лицу, - делает мне комплимент.

- Благодарю.

- Как вы чувствуете себя после вчерашнего.

- Будто заново родилась.

Он смеётся, и я бы назвала этот смех искренним, даже приятным.

- Осторожно, ступенька, - предупреждает, и я послушно приподнимаю ногу.

Его шаги размеренны, и кажется, что он ведет не столько меня, сколько саму ситуацию: направляет поток разговоров и взглядов так, как дирижер оркестр. И всё потому, что у него артефакт.

- Вы выглядите истощённой, - говорит он тихо, почти по-домашнему. Говорит плавно, выбирает тембр, который ослабляет слух. Это часть игры: заставить человека сбросить бдительность не силой, а лаской.

- Чувствую себя хорошо. Но, наверное, отвлекаю вас от очень важных дел наместника.

- Пустяки. Здесь направо.

- Моя служанка здесь?

- Я оставил её на воздухе, она была слишком бледна. Зрелище, на которое я вас веду, не для каждой.

- Наместник! – внезапно раздаётся чей-то визгливый голос. Женский. На слух около пятидесяти. Так и хочется поднять маску и посмотреть, права ли я. – Вы от меня скрываетесь? Несколько раз я уже была у вас, но Зэйд Рауттен неуловим.

- Не здесь, - пресекает он разговоры.

- Конечно-конечно. Любопытная у вас спутница, - вместо

приветствия в мою сторону лишь пара слов, а затем, - Дамский угодник, Зэйд, я нашла для вас бриллиант. Самый лучший в Варругне!

- Позже, Оливия, - зубы сжаты, слова пропускаются через них.

- В пятницу, наместник! Надеюсь, вы найдёте для нас время. Убегаю, - пропевает женщина, и слышу стук её каблуков.

- Простите её, она бывает бесцеремонна.

- Ваша матушка? – пальцем в небо, и Зэйд фыркает.

– Слава богу нет. Кстати, мы пришли.

В комнате тошнотворный сладкий запах, и я прикрываю рот ладонью в перчатке, чувствуя, как меня сейчас стошнит. В темноте головокружения и тошнота усиливаются, и мне безумно хочется света. Но отведённая мне роль обязывает быть слепой.

- Осторожно, - подхватывает наместник, выводя из комнаты.

- Он там?

- Да.

- Я хочу похоронить его брренное тело, как можно скорее.

- Понимаю.

- Отведите меня к карете, пожалуйста. Следует вернуться домой и раздать указания.

- Пришлётё ко мне посыльного. Я бы хотел присутствовать на похоронах.

- Конечно.

Мы ведём с Зэйдом каждый свою игру, присматриваясь друг к другу. Но если мне предельно ясно, для чего нужен наместник, то чем руководствуется он нужно выяснить. Вряд ли я интересую его, как женщина, учитывая, что пару минут назад к нему подходила сваха. В том, что это именно она убеждаюсь, когда оказываюсь в экипаже с Малайей.

- Скажи, ты видела здесь женщину, которая выходила из здания?

- Вас? – не сразу понимает она.

- Её зовут Оливия.

- Бруттон, - заканчивает за меня служанка. – Сваха Варругена. Да, она недавно села в экипаж и уехала.

Значит, я была права. Наместник ищет невесту. Это шанс подобраться к нему как можно ближе. Жаль, что муж Рауны умер лишь вчера, и я не имею права предлагать себя сама. Что касается соблазнения, то не уверена в своих силах. Всё же внешность хоть и красивая, но ущербная. Не каждый польстится. Да и потом следует выждать время, чтобы портал открылся, а мне как-то жить со своим грехопадением.

Нужно разыскать эту Оливию и предложить ей деньги за услугу. Но сперва всё же похоронить Хэствуда.

Поступлю проще: отдам распоряжение Огусту. Попрошу не затягивать и не скупиться на необходимое. Ему сподручнее всё организовать, впрочем, так обычно и делают богатые люди. Нужно узнать у Жожера положение дел, чтобы он отчитался о наследстве. Рассуждаю так, словно решила здесь

остаться навсегда. А между тем время тикает.

- Поехали, - отдаю распоряжение, и карета тащит нас в Ашфорн.

К моему прискорбию, Мортен уже здесь. И как только вы-ползаю из кареты, опираясь на его руку, слышу цокот копыт.

- Кажется, у вас ещё гости, Рауна, - говорит он негромко, и я понимаю, что прибыла любовница Пурфа.

Глава 18

Двор перед Ашфорном вибрирует от шагов, голосов и стука копыт. С некоторых пор уши не только, чтобы слышать, но и «видеть». Ловить каждый звук, преобразуя его в образ. Не представляю, как бедная девочка все эти годы жила во тьме, не имея друзей и близких, которые бы о ней заботились. Пока что наблюдаю лишь акул и стервятников, что норовят растерзать её из-за свалившегося на голову богатства.

Опираюсь на руку Мортена, ожидая, когда человек выйдет из экипажа. Говорить с Ольмой стану наедине, вернее, в присутствии служанки, которая будет присматривать за посетительницей.

- Жожер здесь? – интересуюсь у Брэйна. Следует полагать, что он тоже прибудет, дабы поддержать эту женщину. Что-то он слишком радуется за её благополучие.

- Нет, - спокойный ответ.

Наверное, в карете. Но я ошибаюсь насчёт визитёра, это не Ольга.

- Здравствуй, дорогая, - незнакомый холодный по тембру голос. – Как только я узнал о случившемся, бросил все дела и примчался сюда, чтобы поддержать тебя, моё дитя.

Дитя? Никак батюшка приехал? Не на похороны собственной дочери, на которую ему было глубоко плевать, а поддержать разбогатевшую внезапно вдову? Гиены собира-

ются вокруг слепой родственницы, чтобы терзать её. Кажется, у меня для них плохая новость.

- Брун Насторн, ваш отец, - шепчет Мортен негромко, подтверждая мои предположения.

- Как ты, Рауна? – тот же голос, в котором на сей раз слышна забота. Если бы я не понимала, кто передо мной, решила бы, что этот человек любит свою дочь. Но всё игра, лишь игра.

- Благодарю, в порядке. Но не стоило ради меня так утруждаться, право. Я ведь просто-напросто почти умерла, это мелочи, отец, - говорю елейным голосом, а рядом Мортен пытается скрыть усмешку. Это понимаю по внезапному кашлю, который звучит вместе со смехом.

Я унизила Насторна, но раскрывать объятья тем, кто предаст, как только будет выгодно, - не стану. Пусть знают, что прежней Рауны больше нет. Теперь лишь та, что сумеет за себя постоять. И за этот короткий срок следует найти тех, кто действительно достоин распоряжаться деньгами старого эрда, потому что, как только моя миссия завершится, в этом мире Руана перестанет существовать.

Мне, конечно, должно быть всё равно, но я за справедливость.

- Смерть - часть деловой жизни, - отвечает он. – И я рад, что ты жива. Приехал почтить уход твоего мужа, как всякий порядочный человек и глава семьи, обязан исполнить долг. Сострадание - это не только слёзы. Следует обеспечить по-

рядок, уладить вопросы касательно бумаг, помочь тебе разобраться в делах и здоровье.

- Когда вы продавали дочь, отец, вас не очень сильно заботило моё здоровье.

Уверена, что ему хочется вцепиться в моё горло и душить. долго и мучительно. Но Насторн сдерживается.

- Ты придаёшь неверный смысл старым решениям, - говорит, как учитель, читающий нотацию. – Я много раз говорил, чем обосновал этот нелёгкий выбор. И тяжесть терзала моё отцовское сердце. Тогда были другие обстоятельства. Я поступил так, как считал нужным ради блага всех. Финансы, связи, возможности. И ты должна быть мне благодарна за это, потому что сейчас ты не просто девчонка, что ничего не стоит. Ты – эрдана Хэствуд благодаря мне.

Надо же, как всё можно выкрутить.

- Вы продали дочь, а теперь говорите, что это был ваш коварный план для её блага? – подаёт голос Мортен, беря меня за ладонь и пожимая её, чтобы я понимала: он на моей стороне.

Но это как лани стоять между львом и леопардом, что выясняют отношения. Они не защищают, а лишь устраивают соперничество, кому из них достанусь я.

- Передавай привет матери, Мортен. Говорят, ей привезли новых девушек для увеселений, - не остаётся в долгу Брун, а я внутренне смеюсь. Скелеты с грохотом сыплются из обоих шкафов.

- Не слушайте его, Рауна. Давно известно: сплетники что только не придумают, лишь бы опорочить честь доброй женщины, бросившей вызов чиновникам.

- И отчего-то именно твоей матери, да, Мортен? – не унижается «отец».

Вынимаю руку из-под чужого локтя.

- Малайя, - зову служанку, и тут же ласковые ладони трогают мои пальцы. – Проводи меня в комнату, не хочу мешать этим господам обливать друг друга грязью.

- Рауна, это ложь. Вы – умная женщина, неужели поверите этому человеку? – бубнит Мортен у самого уха.

- Я – отец, щенок! – рычит тот. – И имею куда больше прав говорить со своей дочерью, нежели ты.

Сжимаю руку служанки, и она делает несколько шагов вперёд, понимая мой жест, но в этот момент снова раздаются звуки приближающегося экипажа. И где я так нагрешила? Снова гости?

На этот раз из него выбирается Ольма Шендрос и мальчик лет десяти. Об этом мне докладывает Малайя.

Глава 19

Между мной и Рауной много общего: мы обе жили во тьме много лет. Она чуть больше двадцати, я все тридцать. Только теперь помимо сознания у меня есть потребности: есть, пить, дышать, отдыхать.

- Из кареты вышла женщина: высокая, хорошо одета, взгляд внимательный и цепкий, волосы каштановые, уложены под шляпку с вуалью. Она в трауре, моя эрдана. Обводит взглядом собравшихся, а теперь смотрит на вас. Рядом мальчик, такого же цвета волосы, смотрит с интересом на Ашфорн. Он похож на вашего мужа, - зачем-то добавляет.

И почему эта Шендрос не могла прибыть завтра, когда у меня уже будет прикрытие – тёмные очки?

- Приветствуем тебя, эрдана Хэствуд, - доносится приятный женский голос.

- Они поклонились вам, - добавляет подробностей Малайя.

Что там следует ответить? Рада видеть вас? Добро пожаловать в поместье? Проходите, гости дорогие, сейчас я отпишу вам наследство?

- Надеюсь, дорога не сильно утомила, - выбираю нечто нейтральное.

- Признаться, мы порядком устали. К тому же известие о кончине эрда тяжело легло на наши плечи. Приношу собо-

лезнование.

Выходит, Ульдин сразу послал гонца, который и предупредил Ольму о случившемся. Она успела нацепить шляпку, а теперь изображать скорбь. Даже понимаю, в чём тяжесть. Рассчитывать на то, что теперь её жизнь изменится – не приходится. И она всё же намеревалась видеть почившей меня, а не благодетеля.

- Спасибо. Вас проводят в комнаты, которые подготовили для гостей, а потом пригласят к обеду.

Я не распоряжалась подготовить комнаты, но что-то же должна сказать. Огуст разберётся. Пусть она будет здесь и под присмотром, чем слоняться по столице, разнося обо мне слухи и препятствуя планам.

И снова звуки экипажа, а я переступаю с ноги на ногу, чувствуя раздражение от того, что не могу взять и уйти. Ну кто там на этот раз?

- Прошу прощения за опоздание, - говорит запыхавшийся Жожер, словно он не ехал в экипаже, а бежал за ним.

- Мы договаривались о встрече? – поднимаю вопросительные брови.

- Нет, но я подумал, что нам следует снова обговорить всё.

- Кажется, наш разговор завершился вчера. И проявите уважение к моему супругу, которого ещё не предали земле, - решаю его застыдить.

- Да-да, конечно, эрдана. Пурф был не только моим работодателем, но и добрым другом.

- Тогда предлагаю оставить до поры до времени все вопросы и встретиться за обедом, - разворачиваюсь, намереваясь их скорее покинуть.

- Простите, эрдана, - голос Огуста, - что мне делать со всеми этими людьми?

- Представим, что они прибыли на похороны Пурфа. Разместите на пару дней, дальше посмотрим. Только подальше от моих покоев.

- Как прикажете.

Комната - единственное место, где позволительно быть собой, не притворяясь. Велю Малайе оставить меня одну, а обед принести сюда, сославшись на то, что хозяйка себя плохо чувствует. Да, я стану прятаться до завтра, пока не привезут заказ от аптекаря. Потому ложусь спать раньше, чтобы быстрее прошёл день.

Утром меня будит служанка, и я прошу отправить посыльного за очками. Мне просто необходимо контролировать стаю, что собралась вокруг. А делать это, полагаясь лишь на собственный слух, не выйдет.

Огуст доводит до моего сведения, что похороны сегодня после обеда, и Мортен всё же взял часть вопросов на себя, чем помог дворецкому. Выслуживается, это понятно. И вчера приходил под дверь, узнать о моём самочувствии. После него был отец с тем же вопросом, а до всех них Жожер. И у каждого своя цель.

Спустя час не выдерживаю и посылаю второго мальчиш-

ку, передавая, что плачу любую сумму за срочность.

Когда он возвращается ближе к полудню с хорошими новостями, почти вырываю из его рук свёрток. Надеюсь, стекольщик не подвёл. Малайя предлагает помощь, но я прошу её присмотреть за гостями, чтобы потом рассказать мне, что говорит каждый из них.

- Да, эрдана, - покидает она мою комнату, а я быстро рву бумагу, смотря на три пары очков. Выглядят очень недурно.

Надеваю первые с дымчатыми стёклами, которые тут же садятся, как влитые. Аптекарь знает толк в работе. Несмотря на темноту, за которой действительно не видно глаз, потому что тщетно пытаюсь разглядеть их в зеркале, с моей стороны мир выглядит обычным. Переворачиваю очки, пытаюсь посмотреть в них, но они непроницаемы. Физика или магия?

Вторые - глубоко-синие, холодные, с лёгким отблеском воды. Мне определённо идут. Круглые стёкла хранят тот же эффект: непроницаемость с одной стороны и прекрасный обзор с другой.

Третьи - зеркальные. В них отражается всё вокруг. Я вижу своё отражение, но не глаза. Старик справился с задачей превосходно, главное – не стоять боком к визави, иначе он увидит моё моргание. В остальном – отличное прикрытие. Я даже улыбаюсь, пытаюсь запомнить эту улыбку, чтобы повторить, когда захочу.

Учитывая, что сегодня похороны, на которые мне уже следует выходить, выбираю дымчатые стёкла, когда раздаётся

стук в дверь.

- Простите, эрдана, посыльный забыл передать вам записку от аптекаря.

Бросаю взгляд на маску, которая теперь не нужна, беру трость и открываю дверь, отходя на пару шагов. Передо мной возникает Малайя с небольшим листком в руке.

- Прочти, - приказываю ей. Я всё же «слепа».

«Дорогая эрдана Хэствуд».

Звучит голос служанки, а я смотрю в её сторону.

«Надеюсь, старик угодил вашему вкусу. Я взял на себя смелость немного изменить ваш заказ. Надеюсь, стёкла придутся по душе. А вы всегда можете рассчитывать на Умкана Гоха. Да хранят вас боги».

Сердце испуганно трепещет в груди, а Малайя переворачивает записку, смотря, нет ли там продолжения.

- Это всё, - докладывает. Но мне и без того ясно, что аптекарь обо всём догадался. Только пока неизвестно: друг он или враг, который будет ждать, когда я оступлюсь?

Глава 20

К полудню выбираюсь из комнаты. На мне чёрное платье, лёгкая вуаль и дымчатые очки. Трость в правой руке и уверенность в движении. Малайя рядом, как тень: мягкая, терпеливая, на полшага позади в тёмном простом платье. Её ладонь едва касается моего локтя. Достаточно, чтобы направить, если понадобится.

Мы идём по коридору, и я впервые могу нормально осмотреть дом, в котором живу уже несколько дней. Старый Ашфорн дышит мраком, но в нём есть изящество: своды, мраморные ступени, картины под потемневшими стёклами. Кажется, даже сам воздух тут знает, сколько тайн в нём хранится.

У подножья лестницы уже собралась стая в трауре: Брун Насторн, Мортен Брэйи, Ольма Шендрос, бастард Пурфа – Бердон, слишком тихий, словно с ним что-то не так, Ульдин Жожжер, Огуст и несколько слуг.

Шарю тростью в воздухе, не забывая о роли, и вижу несколько удивлённых лиц касательно моего образа. Пусть привыкают.

- Как ты себя чувствуешь, дочь? - первым нарушает молчание Брун, пока я неторопливо спускаюсь, опираясь о перила и Малайю. – Ты не пришла вчера ни на обед, ни к ужину.

- Уже лучше. Благодарю, - банальная любезность, за кото-

рой скрыто презрение к этому человеку.

- Вам идёт новый образ, Рауна, - подаёт голос Мортен, и да, он действительно красив. Если бы я искала себе мужа, обязательно бы очаровалась его внешностью.

В уголках губ Ольмы видно пренебрежение. Конечно, мы тут собрались не затем, чтобы петь мне дифирамбы, и я намерена поскорее закончить это собрание.

Погребальная процессия неторопливо занимает места в экипажах. Воздух в Варругне сегодня тяжёл, сама погода решила отдать дань покойному: низкое небо, затянутое серым дымом, ленивый ветер, запах сырости и сероводорода, будто где-то здесь вход в ад.

Карета катится медленно, будто не желает довозить нас до места, где всё произойдёт. Сижу внутри, чувствуя, как каждый поворот колеса отзывается гулом в груди. Нас в карете четверо: служанка рядом со мной, напротив отец и Мортен. Позади едут Ольга с сыном, Жожер и Огуст. И мне кажется, он единственный, кто действительно скорбит.

Малайя молчалива, как всегда. За окном сквозь тонкое стекло различаю очертания домов, вывески, фигуры прохожих. Вчера всё казалось другим: глухим, диким, чужим. Сегодня же не только Варруген смотрит на меня, но и я на него.

Пурф Хэствуд был фигурой, чьё имя открывало двери и пугало чиновников. На похороны тянутся не только друзья, но и враги, соседи, деловые партнёры, жёны партнёров, конкуренты, журналисты, те, кто жаждет сплетен и простые зе-

ваки. Все, кто хочет увидеть, как выглядит молодая воскресшая вдова, пережившая своего старого мужа. И обязательно за спиной будут перешёптывания, что всё это не случайность.

Место то же, где вчера мне пришлось ощутить дыхание смерти, – старая церковь у склепов на восточном холме, под покосившимися чугунными крестами. Там, где земля пахнет сырой медью, а каменные ангелы смотрят в никуда.

Карету встречает гул голосов. Кажется, весь город пришёл проводить в последний путь эрда Хэствуда. Или же просто желал убедиться своими глазами, что я не ходячий мертвец.

Глава 21

Выхожу, тростью нащупывая землю. Делаю вид, будто всё ещё завишу от чужой руки. Слева Мортен, справа - отец. Они спорят, кому подать локоть, но я выбираю третью руку - Малайи. Пусть видят: вдова идёт не с мужчинами, а с женщиной, которая ей служит.

Иду медленно, сдержанно, придерживая траурное платье, чтобы не зацепиться за ступени. Малайя по левую руку, чуть позади, Огуст впереди направляет движение. Тишина тягучая, только редкий кашель да шорох ткани.

Слышу шёпот.

«Сжалился, женился на убогой, а она его отравила».

«Могла бы и поскромнее одеться на похороны».

«Для чего ей очки? Она же слепа, как крот».

«Говорят, не плакала ни разу».

«Теперь все деньги промотает».

И тысяча глаз.

Медленно поворачиваю голову в их сторону. Ровно настолько, чтобы жест казался случайным. Слепая не может видеть взглядов, но чувствовать, как они тут же гаснут, словно огни под мокрым покрывалом, вполне доступно.

- Осторожно, эрдана, ступенька, - шепчет Малайя, и я касаюсь тростью каменной плиты, поднимая ногу.

Путь до церкви не такой уж и длинный, но каждый шаг как

по живым углям. Вхожу в помещение, понимая, что народ на улице просто не поместился, потому что здесь нет свободно-го места. Хэствуд был настолько популярен или я?

Гроб Пурфа уже внутри. Священник бубнит молитву, сухо, без вдохновения. Каждый звук ударяется о камень и падает обратно. Слова пусты, и я даже не слушаю их. Больше прочего меня беспокоит отсутствие наместника, словно он мог что-то задумать. Вдруг он захочет куда-то деть арте-факт?

Когда очередь прощания подходит ко мне, касаюсь крыш-ки кончиками пальцев. Холод, как у гладкого мрамора. Стою, делая вид, что говорю мужу последние слова, а затем освобождаю место следующему. Мальчишка стоит рядом с матерью, утирающей слёзы. Она плачет беззвучно, а мне сле-дует делать вид, что я не различаю этого

- Ольма плачет, - докладывает Малайя. И теперь я могу проверить, всегда ли она говорила мне правду.

Кто-то идёт к покойнику, кто-то на выход, будто досмот-рели спектакль до конца, и пора домой.

- Вы держитесь удивительно стойко, эрдана Рауна. Пурф гордился бы вами, - слышу голос рядом.

- Пусть гордится в том мире, где наконец перестанет счи-тать души товаром, - отвечаю без улыбки.

- Вы не только умеете шутить, - замечает наместник, по-являясь в поле моего зрения. – И будто стали выглядеть ина-че. Траур вам к лицу.

Сарказм. Кажется, нам будет весело.

- Полагаю, вы были добрым другом моего мужа, - парирую.

- О, я любил его магазинчика. Скажите, что станется с лавкой теперь?

А это шанс сблизиться.

- Она продолжит своё существование.

- Если вам будет невмоготу, могу предложить свою помощь.

- Хотите встать за прилавок?

- Отнюдь. Я бы купил у вас лавку со всем, что в неё имеется.

- При всём уважении к вам, наместник, я ещё не знаю, что там имеется.

- Уверяю, самое ценное могу отдать, если пожелаете.

- Свою честь?

Он раздражается смехом, и в нашу сторону косится народ, а я стою с каменным лицом, будто не имею к его реакции никакого отношения.

- Простите, - приносит извинение, снова изображая грусть на лице. – Ну так что по поводу продажи?

- Я подумаю.

Глава 22

Похороны наконец-то завершились, но я узнала о своей персоне много всего. Правда, почти никто не жалел меня, наоборот, люди зло отзывались о случившемся, решая, что причина всех несчастия – я. Брун Насторн огрызался, пытаюсь защитить мою честь. Жаль, что спустя столько лет. Мортен норовил поддержать, предлагая не обращать внимания на все толки. Потому что людям только дай волю – они будут перемывать кости каждому.

Всё это напоминало торговую ярмарку скорби: каждый пришёл, чтобы показать своё лицо и оценить моё.

Люди медленно расходятся. Кто-то к экипажам, кто-то к разговору в стороне, кто-то ко мне, чтобы изобразить сочувствие и поинтересоваться о том, кто же эта женщина, что прибыла со мной.

- Любовница моего мужа, - спокойно отвечаю, и новый всплеск перешёптываний разносится по округе. Мне это даже на руку, потому что я не намерена строить из себя убитую горем вдову. Мне следует как можно быстрее приступить к заигрываниям с великим наместником, чтобы подобраться поближе к артефакту. Ведь дело в том, что он не просто вещь. Нет, я не о Зэиде. Я о тале-13. Он – хранитель своего хозяина и так просто в руки не дастся.

Можно заплатить разбойникам и напасть на Рауттена, но

что дальше? Разорвать эту связь так просто не выйдет. К тому же наместник убедит грабителей не делать того, что они делают. И проблема в том, что он сам должен отдать таль. Продать или дать. Например, как любимой женщине.

Но шестьдесят четыре дня!

- Зачем вы это сделали? – интересуется поверенный, когда вновь оказываемся в карете. – Ольма не любовница!

- Простите, не знала, что это тайна, - говорю спокойно, смотря на безразличное лицо женщины. Наверное, сейчас я мщу таким, как она от лица таких, как я. Потому что однажды и сама была предана мужчиной.

Ольма очень неплохо держится, и я даже начинаю уважать её за то, что она выглядит вполне миролюбиво и куда выше подковерных игр.

Когда мы возвращаемся в Ашфорн, небо затянуто серым, и воздух кажется тяжелее, чем утром. Я мечтаю только о тишине и крепком запоре на двери, но Жожер, конечно же, не даёт мне воплотить надежды в реальность.

- Эрдана, - догоняет у лестницы, вцепившись в папку, будто в спасение, хотя участвовать в забеге со слепой – занятие не из благородных. - Пришло время поговорить.

Я вздыхаю.

- Надеюсь, вы проявите хоть немного приличия и дадите вдове отдохнуть.

- Этот разговор был бы неприятен при любых обстоятельствах, - сухо отвечает он. - Но его нельзя откладывать.

- Позвольте, эрдана, я выгоню этого человека, - предлагает Огуст, но я лишь качаю головой. Поверенный прав, разговора не избежать, и чем быстрее мы разберёмся, тем лучше.

- Принеси нам чаю в кабинет, Огуст, - прошу, и Малайя ведёт меня по коридору к нужной двери.

Снова сажусь в кресло напротив тяжёлого стола, к которому привык сам эрд. По одну сторону я и Малайя, по другую - Жожер и Ольга Шендрос. Мальчишку забрала одна из служанок, отправившись с ним на кухню, чтобы налить тёплого молока. Всё же погода мерзкая и хочется согреться.

Ольга выглядит измученной, но собранной: тёмное платье, аккуратная причёска, в глазах сухая решимость. Жожер нервничает. Бумаги в его руках шуршат, как крылья пойманной птицы.

- Я, - начинает он, делая вид, будто ищет нужный лист, - должен изложить обстоятельства, при которых эрд Пурф вёл некоторые дела, касающиеся тианы Шендрос.

- О, разумеется. Обстоятельства - это важно, - говорю с лёгкой усмешкой. - Особенно когда за ними прячут обещания. Она обещала вам деньги? – намекаю на Ольму.

Его голова поднимается рывком.

- Простите?

- Деньги, Жожер. Поэтому, ещё не успел остыть труп эрда, как вы спешите заполнить бумаги.

На его лбу появляется испарина. Он достаёт носовой платок и вытирает лоб, потом шею, потом, заметив, что Малайя

наблюдает за ним слишком внимательно, грозит ей кулаком, чтобы она не смела докладывать.

- Если вам душно, поверенный, могу открыть окно, - не остаётся она в долгу.

- Я лишь пытаюсь выполнить волю своего покойного друга, - берёт он себя в руки. - Эрд хотел, проявить доброту к Бердону. У мальчика нет ни имущества, ни официального статуса, но он Хэствуд по крови.

- Мы просто уедем, Жожер, - вмешивается Ольма глухо, почти с вызовом, чувствуя, что я останусь глуха к их мольбам. - Ничего страшного. Жили так много лет - и дальше проживём. Не стоит требовать от эрданы то, чего она делать не должна.

- Но как же человечность? – не унимается Жожер.

Она поднимается, и я слышу шелест её платья.

- Оставьте её, Ульдин. Я не желаю брать измором Рауну Хэствуд. Наверное, будь я на её месте, поступила бы так же. Нельзя требовать от той, что ни разу не видела нас, - она говорит, но тут же поправляется, - ни разу не слышала о нас, выполнить обещание, данное супругом. С вашего позволения мы отдохнём сегодня в Ашфорне, а завтра отбудем обратно и больше не потревожим.

- Сядьте, - говорю ровно, не повышая голоса.

Пауза. Потом звук ткани снова, и Ольма опускается обратно.

Глава 23

В кабинете повисает пауза, все ждут действий от меня.

- Оставьте нас наедине, - прошу.

Жожер с явным облегчением собирает бумаги, а Малайя уточняет, касается ли это и её. Киваю, и служанка выбирается вслед за поверенным.

В кабинете становится тихо. Только стук дождевых капель по стеклу и дыхание: моё и той, что сидит напротив.

- Как давно с вами связался Пурф?

- Впервые он приехал год назад, затем стал навещать Бердона, а после принял решение признать его своим. И с вами он планировал поговорить, чтобы не было недомолвок.

- Между нами не было разговора.

Кажется, моя смерть развязала ему руки.

- Я не требовала ничего. Никогда. Всё, что он давал, - по доброй воле. И сюда мы приехали лишь затем, что просил сам эрд.

- Он был вашим господином?

Ольма поджимает губы и теребит подол платья.

- Я не была служанкой от рождения. Мои родители разорились, оттого была нужда пойти в гувернантки. В ту пору здесь жили племянники Хэствуда, которыми я занималась. Однажды он пришёл ко мне в спальню, - она замолкает, смотря в сторону, словно ей невыносимо сложно вспоми-

нать ту ночь. – Но что стоит моё слово против слова такого человека?

Он обещал, если я хоть заикнусь, он выставит меня воровкой, и ни в один приличный дом хода не будет. Я была слишком молода и напугана. Потом история повторилась ещё несколько раз, и я поняла, что беременна.

Как только эрд узнал, сразу же отправил меня в северные владения. В маленький дом на краю света, где я жила все эти годы с кухаркой и её сыном. Хэствуд оплачивал наше существование, но очень скудно. Я перебивалась уроками, но ходить до ближайших поместий было слишком далеко. Дала образование своему сыну, намеревалась уехать, но куда? Мадана стала для меня матерью, а её сын – братом. А спустя десять лет эрд вспомнил о нас и приехал посмотреть на сына. На того, как он выразился, кто все эти годы ел его хлеб. А потом приказал явиться сюда, решив облагодетельствовать.

Но мне не нужно ничего. Счастья его деньги не принесут. Вслушиваюсь в её голос, смотрю на мимику и жесты. Она не лжёт. Слышны усталость и обречённость.

- Какой у вас титул?

- Тиана.

- И вы намерены вернуться обратно?

- Если вы потребуете покинуть дом, который теперь по праву принадлежит вам, мы так и сделаем.

- Не торопите события, - продолжаю мягче. Всё не совсем так, как показалось с первого взгляда, и она жертва, а не

хищник. - Пусть всё немного уляжется. Оставайтесь здесь. Не как гости, не как просители.

Просто оставайтесь.

Она поднимает голову.

- Вы позволите нам жить в Ашфорне?

- Позволю, - киваю. - Пока так будет лучше для всех.

На лице Ольмы мелькает удивление, смешанное с осторожностью.

- Почему? - спрашивает она наконец. - Зачем вам это?

- Разве не для этого вы прибыли сюда?

- По приказу вашего мужа.

- Но не развернули карету, узнав, что больше он никогда ничего не прикажет.

- Не люблю бросать дело на середине, да и узнала я только от Жожера прибыв сюда. К тому же, каким бы не был эрд, он остался отцом моему сыну.

- Как давно вы знакомы с Ульдином?

- С рождения.

- Даже так?

- Он мой дядя.

Ларчик просто открывался.

- Который и устроил вас в этот дом много лет назад, - подвожу под сводничество его.

- Да, это так.

- И он знал, что эрд пристаёт к вам?

Она поджимает губы, но качает головой. Не для меня, она

уверена, что я слепа. Это машинально, ведь человек привык показывать эмоции.

- Нет, - всё же произносит, вспоминая о моём недуге. - Не подумайте, что он какой-то мошенник. Он лишь желал облегчить нашу с Бертоном участь.

В дверь стучат, наконец, служанка принесла чай, но он уже ни к месту.

- Я выпью здесь, а тиана Ольма в столовой, - распоряжаюсь.

- Благодарю за всё, эрдана Рауна, - она слегка кланяется, хотя я не могу этого видеть, а затем выходит.

Глава 24

Служанка наливает чай, осматриваясь по сторонам. Подвигает мне чашку и внимательно разглядывает очки, хмуря брови. Потом несколько раз трясёт перед моим лицом рукой, будто проверяя, не видно ли мне.

- Если я слепа, это не значит, что не ощущаю ветра от того, что ты чем-то машешь передо мной, - произношу, и она испуганно отшатывается.

- Простите, - тут же сбегает, закрывая за собой дверь, а я смеюсь.

Всё же есть какие-то плюсы в том, что притворяюсь.

Не успеваю сделать и пару глотков, наслаждаясь покоем, как в кабинет буквально врываются отец и Мортен, которые толкают друг друга.

- Дорогая, - начинает Брун.

- Рауна, - продолжает Мортен.

- Вели человеку, который тебе совершенно никто, покинуть дом! – требует от меня повиновения Насторн. – Пойдут сплетни, что вдова сразу пустилась во все тяжкие, а то и во все решат, что ты убила старика в сговоре с этим, - тычет он в сторону Мортена пальцем. - Это испортит твою репутацию.

- Смею напомнить, что это говорит человек, который некогда продал вас.

Они продолжают препираться, но мне порядком надоело.

Пришла пора избавиться от этого тандема.

- Довольно! – пресекаю их попытки утопить друг друга.
– Отец, вы правы на счёт Мортена. Его присутствие в доме лишь скомпрометирует меня. Похороны прошли, дальнейшей помощи мне не понадобится. Благодарю, что пытались помочь, но теперь подо мной твёрдая почва.

- Я хотел вам предложить свою кандидатуру на роль управляющего, - пытается ухватиться Мортен за соломинку.
– Правда, это планировалось сделать наедине.

- Видала прохвоста? – фыркает отец, пытаясь вытолкнуть молодого мужчину из кабинета, но тот сопротивляется. – Не набиваешься ли ты в мужья к моей дорогой дочери?

- Это касается лишь нас с Рауной, - шипит тот, а я неторопливо отпиваю чай, наблюдая за картиной. – Оставьте нас, мы переговорим.

- Только через мой труп!

На лице Мортена мелькает мысль, что это можно устроить.

- Тебе не нужна она, лишь деньги.

- Говорите за себя, Насторн, - брезгливо смотрит мужчина в сторону оппонента.

- Что же ты раньше не интересовался ею, когда она была бедна? – вопрос со звёздочкой.

Это может продолжаться вечно, и я решаю их остановить.

- Я не нуждаюсь в управляющем, благодарю, - парирую.

- Конечно, не нуждаешься. Потому что теперь я займусь

твоими делами, и они пойдут непременно в гору, - улыбается Брун. – Ты станешь отдыхать, не думая ни о чём. Баллы, шляпки, платья. Что ещё нужно женщине?

О, как примитивно он мыслит. Шляпки, ну, конечно же.

- С каких пор гора у нас в ложбине? – фыркает в его сторону Мортен. – Рауна, не совершайте ошибок. Он угробит ваше состояние и вас вместе с ним.

- К тому же, - ставлю чашку на стол, - тебе, отец, так же следует отправиться домой, чтобы заняться СВОИМИ делами. Ибо то, что касается Ашфорна будет касаться только меня.

На лице Мортена победоносная улыбка. Он не выиграл, но и не проиграл. Насторна выдворяют за пределы, он же остаётся на территории Варругена и может предпринять ещё одну попытку сблизиться со мной. Ненароком оказаться в местах, где бываю, приехать с визитом, в конце концов.

- Верное решение, - смотрит с кривой улыбкой на врага Мортен.

- А теперь оставьте меня, - говорю ледяным тоном. - Надеюсь, мне не придётся звать слуг, чтобы они помогли вам уехать. Не хотелось бы скандала.

- Ты не понимаешь, что делаешь, дочка.

Как же этому скряге, что некогда отказался от дочери, хочется власти и денег, что готов к унижениям.

- Я прослежу, чтобы ваш отец, Рауна, сел в экипаж и отбыл, - обещает Мортен.

- Щенок, - летят слова в его сторону. Насторн исходит злобой. – Это я прослежу, что ты первым покинешь Ашфорн. И не смей приближаться к моей дочери!

- ВОН! – рявкаю, и они, наконец, покидают меня. Один ругаясь, второй хохоча.

Бедная Рауна, мне так её жаль. Не себя, настоящую девушку, что некогда жила здесь.

Закрываю глаза, нащупывая чайник. Даже интересно, справлюсь ли я с задачей налить себе чаю, не глядя, как это делала она. Касаюсь пальцами тонкого фарфора, провожу по ободку, потом подношу носик, прислушиваясь к звуку льющейся воды. Держу палец чуть ниже края, пока до него не добирается кипяток, и одёргиваю руку.

Для меня это игра, тренировка. Для неё – жизнь во тьме, из которой не выбраться. И кто знает, стала для неё смерть горечью или избавлением. Кто знает.

Глава 25

На следующий день встаю рано - слишком рано для того, кто может вести праздный образ жизни, но сон не идёт. Дом затих, только где-то внизу скрипят половицы: слуги начинают день. Сегодня я намерена увидеть лавку Пурфа своими глазами, чтобы понять, отчего она так интересна наместнику.

Антикварный магазин на углу Торговой и Каплеровской улиц пахнет пылью, маслом и временем. Я чихаю, только переступая порог, а Малайя зевает, прикрывая рот ладонью, и колокольчик над дверью звякает тихо, почти вежливо, будто боится потревожить старинные предметы, бережно расставленные на полках. Известно, что Пурф сам здесь хозяйничал и наводил порядок, не доверяя никому. Единственным его помощником был седовласый старик по имени Клем, бывший часовщик. Он понимал в механизмах и хрупких вещах, как никто другой, об этом мне рассказал Огуст, когда я поинтересовалась о лавке.

Клем сидел, рассматривая треснувшее фарфоровое блюдо, пока не объявились мы с Малайей, и тут же поднялся с места, приветствуя нас.

- Добрый день, эрдана, - произносит он хрипловато, когда я вхожу. - Давненько здесь не было покупателей.

- Я - не покупатель, - отвечаю мягко, - я владелица.

Клем моргает, будто не верит, потом поднимается и неловко кланяется.

- Простите, я не ожидал, что вы решите посетить лавку. Эрд не любил, когда дамы вмешиваются в торговлю.

- Теперь ему всё равно, - сухо произношу. – Как идут дела?

- Мы никогда не были похожи на лавки с тканями, крупой или солёной рыбой, где всегда толчея. Сюда заходят лишь те, кто понимает толк в ценных вещах. Лавка не принесёт вам большой прибыли, эрдана, если вы думаете, что это золотая жила, то сразу вас разочарую. Но она хранит множество тайн, которые были так интересны вашему мужу.

- Некий Зэйд Рауттен намеревается купить лавку со всем, что здесь имеется. Что вы думаете на этот счёт?

Клем смотрит грустно, пожимая плечами, и я вижу в его глазах тоску. Будто только что заговорили о том, чтобы пристрелить его любимую лошадь.

- Разве я вправе перечить новой хозяйке?

- Я бы прислушалась к мнению человека, который любит своё дело. Вы знаете наместника?

- Один из наших частых клиентов. Он всегда интересовался культурой и традициями, а так же артефактами. Пожалуй, у него самая большая коллекция артефактов в столице.

А вот это уже интересно. Откуда он добыл таль? Купил у Хэствуда? Может, здесь есть и другие, но Комитет не различил их из-за низких частот и малого использования? Когда артефакт неактивен, его куда сложнее обнаружить. Талей

слишком много, и кто знает, может я верну не только тринадцатый, но и другие. А за службу меня наградят собственным телом, потому что возвращаться в пластиковую капсулу я не намерена после того, как вновь почувствовала полноту жизни.

- Мне всегда были интересны артефакты, - показываю любопытство. – Может, есть такой, что способен подарить мне зрение?

- Увы, эрдана, - разводит руками Клем, - мне жаль, но за свою жизнь я не встречал ничего похожего.

- Расскажите тогда, какие самые удивительные вещи попадались вам. Мне очень интересно.

Глава 26

Клем слегка оживляется. Так бывает, когда у человека интересуются тем, что ему так дорого. В его взгляде мелькает тот самый стариковский азарт, который появляется у коллекционера, когда его просят рассказать о любимых находках. Он снимает с полки лампу с выщербленным медным цоколем, осторожно ставит её на прилавок, словно на алтарь.

- Вот это, - начинает он, давая мне ощупать пальцами, - лампа из Рианских катакомб. - Клем трогает её осторожно, будто боится нарушить покой. - Её пламя питается не маслом, а дыханием владельца. Выдохнешь в колбу - и лампа заберёт этот вдох себе. Свет от неё выходит странный, будто живой.

Он понижает голос.

- Пурф купил её за баснословную цену, но боялся. Говорил, что ему жить хочется, а не кормить железяку своей жизнью.

Он бережно убирает лампу обратно и достаёт из нижнего ящика небольшую коробку из чёрного дерева, так же протягивая мне предмет для осязания.

- А здесь песочные часы. Песок в них течёт не вниз, а вверх. Не магия, а алхимия, но, когда Пурф пытался их продать, трижды случались несчастья с покупателями. После этого он решил оставить их себе.

Малайя, стоящая рядом, тихо ахает, когда Клем отодвигает в сторону стопку книг и достаёт тонкий кинжал с выемкой на лезвии. Металл поблёскивает тёмным серебром.

- Не бойтесь, юная лана, старик не выжил из ума, - смеётся он. - А с этим будьте осторожнее, эрдана, - берёт мою ладонь, вкладывая в него лезвие, - кинжал из когтя первого дракона. Он никогда не промахивается, а наводит своего хозяина на цель.

- Опасное оружие, - передаю его обратно. Представляю, сколько крови впитал клинок, потому что в природе людской заложено друг друга убивать. – Это всё очень интересно, но может ест нечто изысканное? Скажем, броши в виде животных или подвески, - перехожу к тому, что меня интересует больше всего.

Конечно, я могу отослать старика из магазина и копаться здесь сама, перебирая миллионы вещей. Но кто сказал, что разыщу хоть что-то?

Клем задумывается, а потом словно вспоминает. Приносит мне украшения, которые совершенно ничего не значат. Красивые, но пустые. Но вижу, как заворожено смотрит на брошь-цветок Малайя, и хочется сделать ей подарок.

- Как жаль, что я не в силах увидеть, насколько здесь красиво. Малайя, а тебе нравится здесь?

- Эрдана Рауна, здесь всё прекрасно.

- Тогда я желаю, чтобы ты выбрала себе что-то на память обо мне.

Он приподнимает брови, словно задаёт немой вопрос, не намерена ли я умереть в ближайшее время. Знала бы она, насколько близка к истине.

- Клем, помогите моей служанке, кажется, она потеряла дар речи.

- Это вам будет очень к лицу, юная лана, - протягивает ей старик ту брошь, которую она так внимательно рассматривала.

- Эрдана, но это дорогая вещь!

- Тем лучше, - отзываюсь.

Внезапно в лавке раздаётся мелодичная музыка: тихая, похожая на дыхание ветра. И я, не поворачивая головы, осматриваю стену, решая, что это часы. Но по побледневшему лицу Клема понимаю: всё куда сложнее.

Пауза затягивается, а мелодия не заканчивается. Она больше похожа на ту, что играют в музыкальных шкатулках, теперь понимаю это отчётливо.

- Клем, вы завели шкатулку? – интересуюсь, прекрасно видя, как он вцепился пальцами в стол, а его костяшки побелели.

- Нет, эрдана. Она играет сама. Мы зовём её «Песней смерти», - говорит с опаской. – Ведь она подаёт голос только рядом с человеком, что скоро умрёт.

На его лице читается страх, а шкатулка продолжает играть. Малайя рисует в воздухе круги вокруг себя, это местные религиозные защитные знаки, а я невольно ёжусь. Если

он пугает намеренно, то у него это отлично выходит. Только, возможно, он прав. И песня действительно может звучать, потому что я здесь надолго не задержусь.

Последний треньк, и звенящая тишина заполняет лавку.
По ком звонит колокол? Колокол звонит по тебе.

Глава 27

Молчание повисает между нами: густое, как пыль на старых полках.

Реквием окончен, но больше пугает не сама музыка, а испуг Клема, что вытирает лоб платком.

- Она уже не так давно играла, и моего дорогого друга похоронили вчера. И вот снова.

Решаю, что тему срочно следует сменить.

- А где Пурф хранил самые редкие предметы? Ценные, - поправляюсь, - артефакты.

Клем предлагает отправиться за ним. Мы идём между полок, где в полутьме сверкают позолоченные шкатулки, статуэтки богов, ржавые клинки и стеклянные шары, которые будто следят за каждым нашим шагом большими глазами. Пахнет полированным деревом и воском, какими-то духами и благовониями.

Вижу какой-то сундук, заваленный железяками.

- Много товара, что не лежит на полках?

- Есть вещи, что лучше не трогать, - отзывается он тут же.

- Почему?

- Потому что иногда они запоминают своих хозяев, эрдана. А те - не всегда хорошие люди.

Мы проходим узким коридором, и я нащупываю стенки ладонями, потому что света здесь почти нет. Оказываемся в

небольшой комнате, что, по всей видимости, служила кабинетом Пурфу, и где он мог посидеть в тишине, скрытый от чужих глаз. Здесь же, по всей видимости, проходили более важные сделки.

Клем добывает несколько толстых тетрадей, укладывая их на столе.

- Это бухгалтерские книги. В них данные по всем предметам, что находятся в лавке. Можете их изучить, если пожелаете.

Звучит нелепо, учитывая, что я «слепа».

- Здесь, - он отодвигает криво висящую картину, обнажая железную дверцу в стене.

- Откройте.

- Боюсь, здесь я бессилен. Такие запоры бывают. Магическая защита привязывает механизм к энергии владельца: к теплу, к тону сердца, к запаху памяти, к крови, наконец. Без Пурфа ничего не сдвинется.

- Вы уже пробовали?

- По его желанию только. Я никогда не лезу туда, куда не следует.

- Уверены, что нельзя открыть ключом.

- Абсолютно, его просто некуда вставлять.

Звучит странно и малоубедительно, но, когда в лавке раздаётся звук колокольчика, и Клем уходит, а я даю задание Малайе изучить бухгалтерские книги, чтобы отвлечь внимание от себя, понимаю, что старик не лгал.

Пальцы скользят по холодной дверце в надежде найти хоть какую-то зазубрину, щель или цифровой код. Только ровная поверхность, и от неё идёт лёгкая вибрация, едва уловимая на подушечках пальцев, как будто что-то внутри тихо зовёт.

Таль. Ставлю на то, что один из них там. И мне просто необходимо добраться до него. Осталось понять, как это сделать.

- Простите, эрадана, я не понимаю, что именно должна найти? – подаёт голос служанка.

- Любое упоминание животного или растения в предметах.

- Сделка - 7 июня. Поступление: брошь «ласточка» - серебро, вставка -опал; хранить в отдельном футляре. Особая пометка: если придёт Н., не давать.

Серебро и опал - резонансные материалы, и в талях никогда не использовались камни, это точно не он. Кто такая Н. или такой, и почему ему не давать? Любопытно, но вряд ли относится хоть как-то ко мне.

Малайя переворачивает страницу, пальцы нащупывают чернильную пометку.

- Статуэтка - муха. Бронза, крылья покрытие из чёрного янтаря. Продавец неизвестен. Примечание: «не летает, когда рядом зеркало».

Тоже самое, мимо.

Она ещё листает, находит следующий абзац и читает.

- Вот ещё одна запись, эрдана, - говорит. - Почерк неровный, будто делали пометку впопыхах. Фигурка лисы из неизвестного серебристый металла. Продавец неизвестен. Назначение неизвестно.

Я поднимаю голову. Лиса. Слово само по себе звучит, как шепот: мягкий, крадущийся, ускользающий.

Серебристый металл. Не серебро, не платина.

Лиса - символ перемен, иллюзии и памяти. Она обманывает ради выгоды, чтобы ускользнуть от ловушки.

В каталоге Комитета, который мне дали изучить перед отбытием, была утраченная запись о Мнемолисе. Маленькая металлическая лиса, способная стирать из памяти любого существа всё, что связано с её обладателем. Не просто блокировать воспоминания, а вычеркивать следы из самого узора сознания, как будто тебя никогда не существовало в их мире.

Если в сейфе лежит Мнемолис, - тогда я знаю, почему Пурф так оберегал его. А ещё я знаю, что руководство представит меня к награде, когда я верну им не один таль, а два. Осталось понять, как открыть сейф, не повредив содержимого.

Глава 28

Когда уже намерены с Малайей покинуть лавку, встречаемся с наместником, который врывается внутрь так быстро, что сбивает с ног служанку. Она тут же падает, ойкая, а я слегка поворачиваю ухо в её сторону, будто прислушиваясь.

- Что случилось? – задаю вопрос.

- Доброе утро, эрдана Рауна, я ненароком сшиб вашу служанку, - подаёт он девушке руку, помогая встать.

- Разве мы на мостовой? – несколько раз стучу в пол кончиком трости, будто уверяясь, что подо мной не булыжники, а деревянный пол.

- Нет.

- Куда же вы так торопитесь?

- К вам, конечно же, - лепит на губы невинную улыбку, но она из тех, что заранее просят прощения за грех, который вот-вот совершат.

- Удивлена.

- Я как раз хотел обсудить с вами антиквариат, - произносит он, оглядывая полки, но глаза его быстро возвращаются ко мне. - Вещи, подобные тем, что вы храните, не должны пылиться. Им необходимы руки, что понимают их ценность. К чему вам заниматься старьём?

- И ради этого вы влетаете, сбивая девушек с ног? – мне нравится сражаться с ним словами, он достойный против-

ник. С другим мне было бы скучно.

- К чему такая острота, эрдана? Я хотел лишь поговорить. Увидел вашу карету, и вот здесь.

- Скажите сразу, отчего такая срочность?

Он делает шаг ближе, глядя прямо мне в глаза, и я замечаю, как его рука отправляется в карман, принимаясь там шевелиться. И я прекрасно знаю, что он намерен делать.

- Мне нужно уехать, - говорит спокойно. – И хотелось решить вопросы с бумагами до отъезда. Продайте мне лавку. Целиком, со всем, что в ней есть. Я заплачу хорошую цену, - взгляд удава на кролика. Разочарование наместника ждёт через три, два, один.

- Она не продаётся.

- Нет?! – удивлённо переспрашивает, не веря в то, что таль не принёс желаемого. Кажется, впервые в жизни его змейка не сработала.

- Нет, - повторяю медленно и отчётливо. – Сегодня нет, возможно, чуть позже. Хочу изучить содержимое лавки, прежде чем прощаться с ней.

- Разве вы раньше интересовались этими безделушками? – нарочно пытается сбить цену. Растерянная улыбка на его лице вызывает у меня желание рассмеяться.

- Раньше мой муж был жив.

- Я дам хорошую цену, - продолжает торговаться.

- Меня не интересуют деньги.

- Что же тогда?

Он оживает, словно охотник, которому вновь показали след.

- Поговорим наедине, - предлагаю.

- Конечно, - соглашается, обрадовавшись, что разговор продолжается.

- Малайя, проводи нас в кабинет, пожалуйста, - прошу служанку, видя растерянный взгляд Клема, а потом мы оказываемся с наместником в маленьком пространстве вдвоём.

Замечаю, как взгляд Зэйда Рауттена скользит к стене, где под перекошенной картиной прячется сейф. И уверяюсь, что он точно знает, что находится за железной дверью.

- Вы что-то ищете, эрд Рауттен? - спрашиваю мягко, и он недоверчиво смотрит на меня. Надо быть осторожнее со словами, я же не могу его видеть. – Вы так настаиваете на покупке лавки, что я решила, будто вас конкретно что-то интересует, - удаётся мне выкрутиться из ситуации.

- Ах, это, - понимающе выдыхает. – Люблю историю и предметы старины, в них спрятаны человеческие судьбы.

- Мне сказали, что ещё вы любите артефакты. И у вас огромная коллекция.

Вижу, как немного напрягается.

- Не огромная, здесь лгут, но кое-что имеется, - соглашается нехотя.

- Тогда, может, обмен? – решаю сделать ему предложение, усаживаясь за стол. - Лавка за нечто поистине редкое. Удивите меня, Зэйд.

В его глазах видны янтарные блики. Он подходит ближе, будто хочет прошептать что-то мне на ухо.

- Не знаю, что могло бы удивить вас больше, чем я сам.

Чувствую приятный запах мужского одеколona, который в данной ситуации будоражит воображение, и тут же тепло ладони наместника на спинке моего стула.

- Неужели думаете, - продолжает он почти шёпотом, - что мне нужна лишь эта лавка? Может, я хочу её хозяйку?

Надо же, развитие событий всё интереснее и интереснее. Он сейчас пытается соблазнить меня?

- Намерены меня соблазнить? – решаю уточнить. Ну не могу же взять и так быстро согласиться на что-то. В конце концов лишь вчера похоронила мужа.

Он приподнимает уголок губ. Вызов, игра, уверенность.

- А если да?

- Вам нравятся женщины в трауре?

- Молодые и привлекательные, - его губы у моего уха, чтобы создать ещё больший эффект. Наверное, он решил, если не работает таль, использовать своё обаяние, которое, к слову, у него отменное.

- Тогда боюсь, вы не потянете цену, - отвечаю с ледяной вежливостью и немного отстраняясь назад. Кто знает, вдруг это просто проверка, и я её провалю. Откажу в первый раз, но лишь затем, чтобы подогреть его интерес. - В отличие от лавки, я не продаюсь.

На мгновение между нами возникает тишина: натянутая,

звнящая, как струна.

- Вы опасная женщина, эрдана. И, признаться, это интригует меня ещё больше. Вы говорите «нет», но за этим словом спрятано другое.

- Какое же?

- Да, - усмехается он. Какая проницательность.

- Тогда сохраните интригу, - отвечаю. – И моё предложение по обмену в силе. Уверена, среди ваших артефактов найдётся что-то достойное.

На его лице задумчивость.

- Но то-то очень редкое, единичное, - намекаю ему на змею, только в открытую не могу сказать, боюсь спугнуть.

- Я подумаю, - отстраняется.

Когда Зэйд уходит, запах его одеколona ещё долго витает в воздухе.

А я стою перед сейфом, касаясь ладонью холодного металла.

Теперь точно знаю: ему нужно то, что здесь спрятано. И я как можно скорее должна достать мнемолиса и перенести его в Ашфорн.

Глава 29

За ужином нас трое: я, Ольга и Бердон. Удивительно, но теперь смотрю на гостью другими глазами, и она не кажется мне высокомерной и злой, как прежде.

- У вас красивые очки, - говорит мальчик. - Они блестят.

- Спасибо, - киваю, скашивая на него глаза, но не поворачиваю головы. - Мне говорили, что они отражают свет.

- А глаза под ними тоже блестят?

Вилка звенит, когда Ольга роняет её.

-Бердон! – делает ему замечание. - Не задавай подобных вопросов.

- Всё в порядке, - говорю спокойно. - Он просто любопытен. И это хорошее качество.

- Не всегда, - сухо отзывается Ольга. – Многие примут это за бестактность.

- Возможно, но я не сержусь, особенно когда любопытство связано с тем, что спрятано, - добавляю тихо. – К тому же мы без пяти минуты родственники.

- А если вы не видите, как узнаете, что кто-то говорит правду? – задаёт новый провокационный вопрос мальчик, и Ольга намерена вмешаться, но я поднимаю руку, останавливая её. У меня созрел план, и мальчишка в нём – центральное звено. Потому мне следует с ним наладить контакт.

- Ты знаешь, что у всего есть запах? Так вот, правда и ложь

тоже пахнут по-особенному.

- Серьёзно? – принимает он всё на веру. - Чем?

- Правда пахнет жасмином и свежестью, а вот ложь – грозой и металлом.

Он замолкает, и я вижу, как он начинает принюхиваться, будто и впрямь может что-то уловить.

- Хочешь, поиграем? – предлагаю. – Скажи мне что-то, и я попытаюсь определить: обманываешь ты меня или нет.

- Эрдана Рауна, если Бердон вам надоедает..., - решает вмешаться Ольга, по которой видно, что она из тех, кто любит держать дистанцию и уважает границы других людей.

- Нет-нет, что вы, мне не помешает поиграть, - улыбаюсь от чистого сердца. Они мне действительно нравятся.

Сперва казалось, что приедет избалованный мальчишка, который станет вечно капризничать и канючить, а мать будет искать, чем бы пожить в доме. Но ожидание и реальность не имеют между собой ничего общего. И я уверяюсь, что на старость лет Пурф намерен был сделать хоть одно доброе дело.

- Я владею магией огня, - говорит ребёнок, ожидая от меня вердикта, и я смотрю на его лицо. Не берусь говорить точно, но такое чувство, что он сочиняет.

- Это ложь. Угадала?

- Да, - удивлённо выпаливает.

- Давай ещё.

- Я боюсь темноты, - немного помедлив, выдаёт он и тут

же поджигает губы, будто сказал не то.

- Это правда.

Бердон шумно выдыхает, для него это что-то нереальное. А я не встречала ни одного ребёнка, который темноты не боится.

- Ещё, - просит он.

- Вперёд.

- Я люблю сладкое больше, чем мясо, - несмело.

- Правда.

- Бердон, нам пора заниматься. Не утомляй эрдану Рауну.

- Ну мам, с ней весело.

- Приятно это слышать, - отзываюсь.

- Последний вопрос, хорошо? – спрашивает он у матери.

- Ладно, - соглашается Ольма, и тут же замирает и бледнеет, потому что, кажется, что сын вытащил на поверхность её тайну.

- Мама плачет по ночам из-за дяди Жерфоста.

Ольма поднимается с места, нарушая игру, и по её лицу я вижу, что это правда.

- Бердон, поблагодари радушную хозяйку за сытный ужин.

- Но мы не доиграли.

- Поблагодари, - повторяет она сквозь зубы.

- Это ложь, - говорю не то, что думаю, дабы не топить в неловкости Шендрос.

- А вот и нет, - радуется маленький предатель, который и не понял, что так нельзя было поступать.

- Никогда не встречала человека с таким смешным именем, - пытаюсь сбить напряжение, висящее в воздухе. – Ты его точно придумал, Бернон.

- Нет же.

- Я тебе не верю, - журю его весёлым голосом. А на лице Ольмы -некоторое облегчение, словно она всё поняла.

- Скажи, Бердон, а тебе нравятся старинные вещи? – перехожу к тому, что интересно мне.

- Очень.

- Не хотел бы ты проехаться со мной в антикварную лавку своего отца?

- Мам, пожалуйста, поедem.

А вот Ольма мне будет мешать. Одно дело придумать что-то для ребёнка, и совсем другое для его матери. Но в голову ничего дельного не приходит.

- Я могу поехать с вами? – интересуется она.

Ну не откажу я ей на ровном месте? Хотя... Хотя это всё же можно обыграть.

- Скажите мне правду, Ольма. Бернон действительно сын Пурфа Хэствуда?

Она не сразу реагирует, хмурит брови, словно просчитывает ходы, как в шахматах, пытаюсь понять, что я замыслила.

- Да, это так, - наконец, отвечает.

- Отлично. Тогда через час мы проверим пахнут ваши слова металлом или жасмином.

Глава 30

Через час колесо кареты снова подпрыгивает на знакомой выбоине у Торговой улицы, и колокольчик над дверью лавки звенит так, будто мы не уходили отсюда вовсе.

- Добро пожаловать, эрдана, - отзывается Клем, выныривая из-за стойки, где пытался склеить какую-то вазу. По его лицу видно, что он озадачен. Второй раз на дню прибыла, но не вижу смысла тянуть. - И гости? – добавляет он.

- Это Ольма Шендрос и её сын, Бердон, - представлю. – Полагаю, наследник Пурфа.

- Сын? – не слишком-то удивляется старик. Возможно, Хэствуд обсуждал с ним рокировку на моё место.

- Покажите ей, пожалуйста, лавку. Всё, что посчитаете интересным. У вас хороший вкус.

Он растерянно моргает, но кивает:

- Как прикажете.

- А я заберу у вас маленького помощника, - легко касаюсь плеча мальчика. – Пусть посмотрит кабинет, в котором работал его отец.

Не дожидаясь разрешения, делаю первый шаг. Трость впереди выстукивает преграды, и я ловко захожу за прилавок, исчезая вместе с мальчишкой в узком коридоре

Мы пробираемся вглубь лавки между шкафами и витринами. В воздухе висит запах старого дерева, воска и метал-

ла. Бердон озирается по сторонам, глаза у него блестят, как у котёнка на складе рыбы.

- Это всё настоящее? - шепчет он.

- Настоящего больше, чем хотелось бы, - отзываюсь. - Иди за мной.

Кабинет Пурфа встречает нас тихим полумраком, и я сразу отправляюсь к сейфу.

- Здесь магический замок, который открывался только одному человеку. Но я подумала, если ты сын Пурфа, легко справишься с замком.

- Как?

- Достаточно коснуться, - показываю, что делать. Конечно, это только предположение, я не сталкивалась ни с чем подобным. Но чем чёрт не шутит.

Бердон подставляет стул, взбираясь на него, и кладёт ладони на сейф. Сразу ничего не происходит. Лишь спустя пару минут, когда я всё же прошу его стоять и ждать, воздух тяжелеет, где-то в глубине сейфа что-то отзывается.

- Он стал горячее, - докладывает мальчик. А потом мы оба слышим глухой щелчок, отчего Бердон дёргается, но я не позволяю ему отойти. За щелчком ещё несколько, и всё замолкает.

- Ай, - шипит от боли, одёргивая руки, а дверца чуть отходит сама, будто с облегчением. Внутри - полка и небольшой отсек под ней.

- Получилось! - возбужденный шёпот Бердона. - Это я сде-

лал?

- Ты мне очень помог, - говорю честно. - Без тебя сейф бы не открылся.

- Значит, я сын Пурфа?

- Истинный.

- Расскажу маме, - быстро спрыгивает со стула, а я, не теряя ни минуты, заглядываю внутрь. Несколько пачек документов, аккуратно перевязанных тесёмками. Две шкатулки с драгоценностями, по виду явно не дешёвыми: старинное ожерелье с крупными камнями, пара браслетов, серьги с чёрным жемчугом. Но меня интересует не это. В маленькой коробочке лежит небольшая фигурка лисы из серебристого металла с синеватым отливом. Лиса вытянута, тонкая, с высоким изящным хвостом, который загнут дугой над спиной. На первый взгляд простая безделушка, но чем дольше на неё смотришь, тем неприятнее ощущение, что она смотрит и на тебя.

Глаза у неё не вставные камни и не гравировка - слегка углублённые, но внутри вроде бы пусто. И всё равно кажется, что там что-то шевелится, тянет взгляд. Лапы тонкие, пальчики отчётливо проработаны, даже коготки видны. На груди выгравирована едва заметная линия, как кольцо.

Лиса лёгкая и прохладная. Не свожу глаз с таля. В том, что это он, я уверена на сто процентов.. Он лежит на моей ладони, и кажется, что металл под пальцами то ли вибрирует, то ли дышит очень медленно. В голове всплывает строка из

каталога: «утрачен, нахождение неизвестно, крайне опасен при неумелом использовании».

«Ну здравствуй, лисичка, - думаю. – Похоже, ты и я по одну сторону баррикады. Мы оба стираем следы за собой».

- Мама, мама, иди сюда! - крик раздаётся так внезапно, что я едва не роняю находку.

Чёрт.

Быстро действую на автомате: Мнемолис исчезает под перчаткой, тонкий металл холодит запястье. Бердон влетает в кабинет, таща за собой Ольму, которая, судя по усталому голосу, пыталась его урезонить по пути.

- Бердон, сколько раз я просила не бегать в помещении, - начинает она, но сын не даёт ей договорить.

- Мам, я открыл! - гордо заявляет он. - Сам! Сейф, который открывался только отцу!

Ольма замирает на пороге. Взгляд автоматически падает на отворённую металлическую дверцу.

- Это правда? - её голос становится тише, осторожнее.

- Истинная правда, - подтверждаю спокойно, закрывая сейф ровно в тот момент, когда она делает шаг вперёд. Щёлк - металл встаёт на место, снова гладкий, немой. - Ваш сын действительно наследник моего супруга. И он пахнет жасмином, - растягиваю улыбку.

- Я просто положил руки, - поясняет он, сияя, - а он стал горячий. А потом – щёлк-щёлк-щёлк, и дверь сама открылась!

- Ты молодец, - говорю ему. — Только давай договоримся, что это наш маленький секрет, хорошо?

Он вытягивается, будто вырос на пару сантиметров.

В дверях появляется Клем, шурша полкой сюртука. Он переводит взгляд на сейф, на меня, потом на ребёнка. Уверена, что слышал о том, что говорил Бердон.

- А теперь нам пора, уже довольно поздно, - решаю закончить визит.

Мы уходим в закат под звон колокольчика. В карете Ольма молчит, погружённая в свои мысли. Бердон в десятый раз пересказывает, как металл стал горячим, и я только киваю, поддакивая в нужных местах.

А всё моё внимание приковано к тонкой прохладе на запястье.

Глава 31

Вечером, запершись у себя в комнате, снимаю перчатку. Лиса ложится на ладонь. Теперь у меня есть возможность рассмотреть её как следует.

Мнемолис в тусклом свете лампы кажется совсем живым: серебристый таль отбрасывает лёгкий, почти синеватый отблеск. Вдоль позвоночника - тонкая гравировка, напоминающая какие-то знаки, но слишком мелкая, чтобы разобрать их невооружённым глазом. Хвост закольцован так, что, если провести пальцем, создаётся ощущение замкнутого круга. Неприятный, липкий холод будто въедается в кожу.

Если прислушаться, и это уже не фантазия, а опыт работы с талями, где-то на самой границе слуха слышится тихий звук. Нечто среднее между тончайшим колокольчиком и хрустом льда.

Мне доводилось использовать несколько артефактов, изучая их специфику, но лиса я видела впервые. В каталоге было написано: «Активируется через контакт с владельцем и объектом при касании к голове. Внимание: длительное использование может отразиться на самом носителе».

То есть, если я сделаю так, чтобы кто-то забыл обо мне, часть меня исчезнет и для него, и для мира, в котором он живёт. Отношения, эмоции, события – всё, где есть я. Чистый, аккуратный разрез по ткани прошлого. Не до конца верится,

что это возможно, но чувствую от артефакта сильную магию.

Тщательно заворачиваю лису в кусочек плотной ткани, зашиваю, прячу в простую коробку из-под ниток и только потом опускаю её в нишу в стене за зеркалом, которую нашла, когда разыскивала укромное место. Камень поддаётся при нажатии, ниша щёлкает, закрываясь. Если не знать - не найдёшь.

Никак не привыкну к этим платьям, которые не выйдет снять в одиночку, а потому дожидаюсь, пока мне помогут раздеться, и падаю на кровать, осознавая, насколько устала. Ноги гудят, спина немного ноет, но так сладко лежать в кровати, и я была лишена этого слишком долго.

Осталось пятьдесят девять дней до того, как откроется портал, и мне следует поторопиться разобраться с наместником.

Утро приносит слабый свет за окнами и крики в коридоре. Успеваю сесть на кровати, схватить очки и напялить на нос, как дверь в комнату распаивается после стука и моего разрешения войти, и на пороге появляется какой-то мальчишка и перепуганная Малайя.

- Эрдана! - он задыхается. Видно, что прилично бежал. - Эрдана Рауна!

- Что случилось? - голос мой выходит удивительно ровным.

- Вашу лавку ограбили, - пытается восстановить дыхание. - Там всё вверх дном.

- Малайя, срочно вели запрягать коней, - командую. – И пусть служанки помогут мне одеться.

- Как прикажете, эрдана, - говорит, тут же скрываясь.

- Известно кто ограбил?

- Нет, наша лавка неподалёку, и я удивился, когда увидел, как какой-то человек в чёрном плаще выскочил из магазина и побежал, но быстро скрылся в проулке. Я бросился за ним, но не догнал, а потом вернулся, чтобы спросить, не нужна ли помощь Клему, но споткнулся на пороге о разбросанные вещи и разбил руку, - показывает он мне в подтверждение, но я же слепа, я не могу этого видеть. – Сперва я решил, что в лавке никого не было, потому что было слишком тихо, но потом заиграла музыка.

После его слов мне становится не по себе. Опять страшная шкатулка?

- Я стал озиаться и заметил ботинок.

- Ботинок? – не сразу понимаю, к чему он ведёт.

- Я сам чинил его для Клема, и не так давно менял подошву. Ботинок был один и лежал в узком коридоре, а я решил посмотреть, куда он ведёт.

Бесстрашный малый, если всё именно так, как он рассказывает. Успеваю подумать о том, что старик всё рассказал кому-то, и они вместе решили добраться до содержимого сейфа, но мальчишка ошарашивает.

- Я нашёл его мёртвым, эрдана. Он лежал в маленьком кабинете, и я тут же бросился за вами, подперев дверь стулом.

Глава 32

Новость такая, что лучше сидеть. Впрочем, я и сижу. За несколько дней здесь рядом со мной уже двое покойников, к которым я как-то причастна. И мне это не очень нравится, точнее, очень не нравится.

Появляются служанки, и мальчишка выходит в коридор. Реквием шкатулки, что звучал в лавке, был по Клему. Даже мурашки по коже пошли. Пожалуй, шкатулку тоже можно попробовать забрать с собой, она имеет свою ценность.

Пока служанки затягивают шнуровку, поправляют траурное платье, я стою, как кукла, и думаю: мог ли Клем кого-то привести к сейфу? Тот человек его напарник? Или же, наоборот, старик отстаивал лавку?

Теперь уже не узнаю. Мёртвые не отвечают на вопросы.

Поправляю очки, беру трость. Малайя рядом, как всегда. Мальчишку, что принёс весть, отправляю на кухню: пусть ему перевяжут руку, накормят и дадут монету. Заслужил.

Карета катит к Торговой. Каждая кочка, как удар в рёбра. По пути в голове выстраивается единственная логичная цепочка: кто бы ни пришёл ночью в лавку, он знал, куда идти. И что в сейфе лежат не только драгоценности.

Около магазина собралась толпа зевак, тут же представители закона: осматривают окна, дверь, и несколько уже внутри. Вхожу в тот момент, когда один из них что-то толкает

себе за пазуху, а вокруг царит беспорядок.

- Покиньте лавку, - тут же прикрикивает, увидев нас, не разобравшись, кто я такая.

- Доброе утро, - отвечаю уверенно. - Это моя собственность, а не ваша.

- Перед вами эрдара Хэствуд, - представляет меня Малайя, - и только что вы положили в свой карман статуэтку, которая вам не принадлежит.

Мне нравится эта девочка, раз за разом она доказывает свою преданность. Выражение лица законника меняется на озадаченное, а потом злое. Он не торопится признавать вину, всматриваясь в область моих очков.

- Кажется, уважаемый, у вас кое-что моё, - подгоняю его быть смелее, и он нехотя возвращает на прилавок какую-то вещицу.

- Это улика, - бурчит какую-то глупость, и я могу его высмеять, но не делаю этого.

- Что произошло? – интересуюсь, и мне отвечает кто-то сбоку.

- Типичная кража, и чтобы понять, что именно похищено, следует поднять бухгалтерские книги.

Чуть поворачиваю голову, но рассмотреть мужчину не выходит, не тот угол обзора, а я не могу себя выдать.

- Обязательно назначу человека, - обещаю, и вижу, как выносят Клема, глаза которого широко распахнуты, а лицо синее. Кажется, его душили. На ноге действительно только

один ботинок.

- Вы кого-то подозреваете? – интересуется, по всей видимости, главный, появляясь в поле зрения. На вид ему около сорока, тонкий нос, такие же губы, прижатые к голове уши и слишком чёрные глаза.

Сказать, что я думаю, будто это наместник? Ну уж нет, оставлю домыслы при себе, он куда более значимая фигура, чем слепая вдова. Прямое столкновение ни к чему не приводит.

- Нет, мне не известно ничего о делах моего мужа, возможно, он имел врагов, но не я.

Малайя уводит меня в сторону, когда проносят Клема, и по её зелёному лицу понимаю, что она не в восторге от зрелища.

- Идём в кабинет, - прошу её, и она быстро подчиняется, успевая шепнуть, что видела старика, и он точно мёртв.

Кабинет Пурфа встречает нас ещё большим беспорядком. Стол вскрыт, ящики перевёрнуты. Пачки бумаг разбросаны: часть перемята, часть валяется на полу, из книги выдраны несколько страниц. Чернильница перевёрнута, чёрные подтеки по столешнице напоминают траурные лужи. Какой-то мужчина зарисовывает то, что видит.

А я смотрю на сейф. Он распахнут. На полке внутри - пусто. Гладкий, нагло голый металл, хотя ещё вчера укладывала туда драгоценности. И я не могу сказать: это алчные законники или кто-то другой. Не потребую же выворачивать

карманы, да и они уже могли вынести и спрятать это вне лавки. Но я точно знаю – вор приходил за талем. И если он не нашёл лису в сейфе, логично, что следующая точка, куда он пойдёт, это Ашфорн.

Значит, прятать Мнемолис в стене уже недостаточно. Придётся носить его с собой всегда. Даже во сне.

Глава 33

Вопрос о том, как вор вскрыл сейф меня не отпускает. Тут несколько вариантов: Пурф жив, ночью Бердон вместе с матерью ездили сюда, чтобы добраться до сокровищ, или же есть ещё какой-то способ.

Первый вариант я отмечаю, потому что Хэствуду нет причин притворяться мёртвым, да и закопали мы его достаточно глубоко. Но тут же сомнения одолевают, это тело тоже было мертво какое-то время, чем чёрт не шутит. Проверить стоит.

Что касается Ольмы, надо быть не в себе, чтобы рисковать сразу же после того, как я нашла разгадку открытия сейфа. Она не кажется мне глупой, но кто знает, какая истинная причина могла толкнуть её на подобное безрассудство.

Следует опросить слуг, не видел ли кто-то её этой ночью, покидающей Ашфорн. Потому что отметить нельзя ни один из вариантов.

Гул голосов снаружи усиливается, когда прибывают Маги порядка. Двое в серых мантиях с эмблемой весов на груди. Один из них - пожилой, с седыми висками, другой помоложе, глаза внимательные.

- Эрдана Хэствуд, - кланяется старший, - нам сообщили, что вы обнаружили тело?

- Нет, - поправляю. - Тело обнаружил мальчик, сын хозяина соседней лавки. Он немедленно прибежал в Ашфорн и

сообщил мне. Я прибыла сразу, как смогла.

Рассказываю всё: от утреннего визита мальчишки до произошедшего сейчас. О том, что сейф был заперт вчера. О том, что Клем, насколько мне известно, сюда никого не приводил.

Опускаю только одну деталь – содержимое сейфа до ограбления и исчезновение лисы.

Молодой маг осматривает сейф, не прикасаясь, только водит над ним ладонью. Старается почувствовать остаточную магию, а Малайя описывает его действия в точности до детали.

- Если я больше не нужна, хочу уехать, - оповещаю, и служанка помогает мне выйти.

- Вы знаете, что было в сейфе? – звучит вопрос вдогонку.

- Какие-то украшения, - неопределённо пожимаю плечами.

- Артефакт? – интересуется молодой дракон. – Очень сильный и странный, будто я такого никогда прежде не встречал.

Надеюсь, мы не пересечёмся потом, когда со мной будет таль, иначе мальчишка принесёт ряд проблем.

- Дело в том, что до вчерашнего времени всем заправлял муж, я не лезла в его дела.

- И не знаете, кто мог совершить подобное?

- Намекаете на меня? – фыркаю, потому что в его голосе какой-то подвох. – Для чего мне убивать помощника, если

теперь я владелица лавки?!

- Не знаю.

- Тогда найдите настоящего убийцу и вора, - нащупываю ладонь служанки, и она понимает, что делать.

Выбираемся из магазина. Конечно, после того, как здесь всё осмотрят, пропадут интересные вещицы, но не стану же я сидеть надсмотрщиком, к тому же по легенде я слепа.

Волнует больше другое: кто-то уже идёт по моему следу.

Он был здесь. Не нашёл то, что хотел. Теперь логичный следующий шаг - дом вдовы, которая «ничего не видит», но порой говорит слишком уверенно для слепой. И если он придёт за артефактом, мне следует быть к этому готовой.

- Какое счастье, что с вами всё в порядке, - почти налетает на меня наместник. – Я прибыл сюда, как только узнал о случившемся. Это ужасно. Примите мои соболезнования. Сперва муж, теперь Клем.

Радует, что не добавляет, что потом моя очередь. Вовремя останавливается.

Он отменно играет. И не подозревай я его, решила бы, что Зэйд непричастен. Но всё слишком хорошо совпало: он просил меня продать лавку - я отказала. Ждать наместник не пожелал, и вот чем всё закончилось. С его связями и деньгами утрясти всё не составит труда.

- Как дела с лавкой? Что-то украдено? – спрашивает, пытаясь скрыть небывалый интерес в голосе.

- Для этого следует провести ревизию, я не сильна в това-

рах.

- Могу предоставить отличных ревизоров, справятся за пару дней, описав всё до пуговицы.

- Наверное, стрясут небывалую цену, - намеренно вступаю с ним в диалог, чтобы понять, насколько он просчитается.

- Что вы, это же по знакомству. Тогда я пришлю их сюда немедленно.

- Отчего такая срочность, эрд Рауттен?

Неужели, он искал и не нашёл, потому что его спугнули? А теперь намерен шерстить лавку при свете дня под благопристойным видом? Я была о нём лучшего мнения.

- Хотелось вас успокоить, конечно же. И дать зацепку драконам порядка, иначе по городу пойдёт череда ограблений, если вор будет чувствовать себя безнаказанным.

Как он интересно говорит о себе в третьем лице. Только не пойман – не вор.

- Хорошо, присылайте ваших ревизоров, в свою очередь от себя я тоже отправлю человека.

Предполагаю, что это будет Огуст или кто-то, кого посоветует он. В любом случае, Малайя мне нужна, а доверять я могу лишь ограниченному кругу лиц.

- Скажите, - решаю поинтересоваться у Зэйда, - у моего мужа были враги?

- Все и никто, - усмехается он. – Многие его воспринимали как скрягу и брюзгу, но открытых столкновений я не припомню. Правда, я не так часто общался с Пурфом.

- Странно, Клем говорил обратное.

- Я бы с радостью поинтересовался, что именно он имел ввиду, но, боюсь, теперь старик сможет говорить только с Праматерью.

«Очень удобно», - фыркаю внутри себя, ему же говорю.

- Мне пора, спасибо за содействие.

- Буду держать вас в курсе, - бросает вслед.

- Он чем-то очень взволнован, - негромко оповещает меня Малайя, от взгляда которой ничего не скрыть.

- Есть ли у нас мальчишка, которого можно приставить для слежки за наместником?

- О таком лучше спросить Огуста, эрдана. Но что вы хотите узнать?

- Пока и сама не понимаю, Малайя.

Служанка помогает мне забраться в карету, и мы отбываем домой.

Глава 34

Прибыв в Ашфорн, первым делом спешу к себе в комнату, чтобы проверить сохранность таля. Нащупываю нишу, добываю оттуда лису, внимательно её рассматриваю, ощущая магические импульсы. Не подменили.

Приходит облегчение, почти ласкающее ребра изнутри. Теперь не доверяю даже сейфам, намереваясь сделать из себя живое хранилище.

Размышляю, где именно разместить артефакт. На видном месте не стоит, привлечёт внимание. Карман? Как вариант, но параноя призывает сделать контакт с телом. Под перчаткой? Так я буду постоянно чувствовать мнемолиса и иметь возможность воспользоваться, если потребуется. Но к моему странному образу с очками добавить перчатки – и все станут задаваться вопросом, что со мной не так.

Сунуть в чулки? Служанки, снимая их, обязательно найдут.

Если бы портал открылся раньше, смогла бы я передать таль. Или всё же удержала бы? Слишком удобная сила, чтобы остаться без неё.

Продолжаю размышлять, рассматривая себя в зеркале.

Декольте? Пожалуй, это первое, где женщины станут что-то прятать. Но тут плюсы: почти по рукой, никто не заметит, что между холмиков что-то спрятано, удобно вынуть перед

тем, как служанки возьмутся за раздевание. Пробую на деле, поправляя грудь так и сяк, когда меня прерывают. Тут же показывается Огуст, которого я сама разыскивала.

- Чем могу быть полезен? – интересуется, а я чувствую, как лисица колет острым концом и хочу немедленно от неё избавиться. Но сперва всё же вопросы и распоряжения.

- Где сейчас находится Ольма и её сын?

- В библиотеке, эрдана.

- Они покидали Ашфорн?

- Нет, насколько мне известно.

- А ночью?

- Ночью?

- Да, мне необходимо знать, не выбирались ли они ночью из дома, особенно мальчик.

- Я бы знал об этом, - отзывается с почтением. – Ключи от входной двери у меня, и она была закрыта до момента, пока не прибежал сын лавочника.

- Кроме тебя у кого-то есть ключ?

- Нет, - качает головой. – По крайней мере никогда не было. Даже у вашего мужа, - предвосхищает он мой вопрос.

- Были ли открыты окна?

- Нет, - хмурит брови, не понимая, к чему я клоню.

- Огуст, очень важно знать, выходил ли Бертон из поместья.

- Опрошу слуг.

- Только как-то не прямо в лоб, ладно? Мне не нужны

лишние разговоры.

- Постараюсь.

- Так же мне нужно, чтобы вы проверили, как поживает мой муж.

Пару секунд молчания, его брови ползут вверх настолько высоко, насколько возможно.

- Простите?

- Ну, труп, - уточняю, будто обсуждаю цену на муку. - Мы его, конечно, закопали, но кто знает, может, Пурф, - делаю паузу, подбирая слово, - ожил?

- Люди не оживают после того, как их закапывают под землю по причине сердечного приступа, эрдана, - он старается быть вежливым.

- Проверить никогда не помешает, - не соглашаюсь с ним.

– Отправьте кого-то надёжного на кладбище, пусть внимательно осмотрит место захоронения.

Слышится осторожное:

- Возможно, эрдане следует показаться лекарю?

- Если я сойду с ума, Огуст, уверяю вас, сообщу лично, - произношу ровно. – Поверьте, произошло кое-что, что заставляет меня просить вас о странной услуге.

- Как скажете, эрдана.

- И ещё, - продолжаю. - Найдите мальчишку или мужчину, который незаметно сможет наблюдать за наместником. Я должна знать, где он бывает, с кем встречается, куда ездит по ночам, что думает.

Тишина. На сей раз его лицо вытягивается. Он размышляет, не привести ли сюда лекаря против моей воли.

- Следить за наместником?

- Именно. Он слишком настойчиво просит продать ему лавку. Кто знает, вдруг это он стоит за убийством Клема? Сделайте, что я прошу. Пожалуйста.

- Это всё?

- Да, спасибо.

Он разворачивается, чтобы уйти.

- Постойте, - останавливаю.

- Да, эрдана. Хотите, чтобы я проверил на кладбище всех родственников покойного?

Улыбаюсь саркастической шутке.

- Вы определённо мне нравитесь, Огуст. Но речь о другом. Разыщите честного и умного человека, который в ближайшие несколько дней сможет сделать опись товаров в антикварной лавке вместе с ревизорами наместника. Конечно, я бы предпочла, чтобы это были вы, но кто-то должен решать дела в этом доме.

- Такие как раскопки могил прежних хозяев.

- Именно! И ещё, добавьте себе жалованье и накройте на стол, уведомив об обеде наших гостей.

- Благодарю за щедрость, эрдана. На сколько увеличить жалованье?

- В два раза.

- Он снова удивлённо смотрит на меня, но про лекаря уже

не интересуется. Моё сумасшествие ему по душе.

- И Малайе тоже.

- Боюсь, Жожер не будет в восторге от подобных трат.

- Он не имеет к деньгам мужа никакого отношения.

- Но очень любит их экономить. С вашего позволения.

Он оставляет меня одну, и я закрываю дверь на ключ.

Лиса за всё это время буквально впилась в кожу, и стоило Огусту уйти, спешу поправить её. Острый кончик хвоста зацепился за край корсажа, и приходится осторожно подтолкнуть артефакт обратно, создавая между ним и телом небольшую ложбинку. Так будет терпимее. Если придётся воспользоваться - она должна быть под рукой, а не под подолом, где я буду шарить вслепую.

Приглаживаю ткань платья, накладываю поверх тонкий шарф, будто это часть образа. В зеркале поправляю вырез: ни складки, ни намёка на спрятанное. Слоняюсь без дела по комнате, размышляя над событиями, а потом спускаюсь в столовую, где меня уже ждут Ольма и Бердон.

Женщина вежливо поднимается, встречая меня. Мальчик шумит ложками. Всё обыденно до боли.

- Что произошло в городе? - спрашивает она первым делом.

Я рассказываю, что лавку ограбили, что Клем найден мёртвым, что некто искал что-то ценное. Говорю спокойным, почти ледяным голосом, и не свожу взгляда с Ольмы, будто не глазами смотрю, а магией под кожей.

Она волнуется. Или делает вид, что волнуется.

- Ужасно, - шепчет. - Бедный старик.

Либо она большая актриса, либо действительно ничего не знает. А я, возможно, слишком подозрительна. Но уже поздно становиться доверчивой.

Глава 35

После ужина Огуст докладывает, что мои поручения исполнены. Люди отправлены в лавку, на кладбище и к дому наместника.

- Хотя я до конца не понимаю, что вы хотите, чтобы они узнали.

- Может, у него будут встречи с кем-то или он захочет продать ценную вещь.

- Боюсь, он сразу поймёт, что за ним следят, а уж допытаться, кто стоит за этим – не составит труда. С вашего позволения, - Огуст кивает и уходит, а я задумываюсь над его словами. Что если действительно слежка станет не благом, а наказанием?

И уже через пару часов на пороге Ашфорна объявляется карета Зэйда, который требует аудиенцию со мной.

- Он зол, - шепчет Малайя, поправляя моё платье. – Очень зол. Расхаживает в гостиной, стуча сапогами.

Поправляю лису, понимая, что её могу использовать в любой момент, и выбираюсь из комнаты. Иду не в гостиную, а в кабинет, где недавно принимала Ольму, сюда же приводят Рауттена, который хлопает дверью громче, чем того допускают приличия.

- Ну, и как это понимать? – фыркает, усаживаясь напротив. В его голосе звучит не просто раздражение, а тонкая,

звнящая ярость. - Слежка? За мной?

Я не меняю выражения лица.

- Поясните, о чём вы.

- Рауна, не стоит изображать наивность, - он подаётся вперёд, руки на подлокотниках кресла слегка белеют от напряжения. - Один из молодых наблюдателей оказался не таким осторожным, как вы рассчитывали. Я не слепой, - говорит, тут же меняя выражение лица. - Извините, если обидел, просто к слову пришлось.

- Ничего, я привыкла.

- Каково же было моё удивление, - продолжает он, - когда я узнал, кто стоит за этим.

Пауза, тяжёлая, как свинец. Но каждый из нас знает правду.

- И кто же? – ломаю комедию.

- Вы, эрдана!

- Уверены? – не улыбаюсь, но интересно, как станет реагировать.

- Абсолютно.

- Пытали мальчишку? Что использовали? Иглы под ногти, раскаленный металл?

- За кого вы меня принимаете? – фыркает. - Люди сами охотно рассказывают мне то, что я пожелаю знать.

- Тогда спросите меня о чём угодно, вдруг я тоже расскажу вам с охотой?

Отвожу подбородок чуть выше, делая вид, что восприни-

маю это как оскорбление, а не как подтверждение моих страхов.

- С вами подобное не работает.

- Это гипноз? – пытаюсь вывести его на правду.

- Просто разговор по душам.

- Так поговорите со мной. Или вас смущает отсутствие глаз? Как там говорят? Глаза – зеркало души. Выходит, у меня её нет?

- Вы остры на язык, дорогая, а я не силен в философии. Но вернёмся к сути. Вы приставили ко мне человека.

- Я должна быть уверена, что после смерти мужа никто не пытается меня использовать, - произношу твёрдо. - Или угрожает мне. Вы слишком интересовались лавкой, а потом был убит человек.

- И вы благополучно списали всё на меня?

- Странные совпадения, не находите?

Иду ва-банк, может, так он мне откроет правду. Бессмысленно отпираться, потому что он и так обо всём догадался, просто строит из себя глубоко обиженного человека.

- Вдруг мне угрожает какая-то опасность?

Он улыбается, но улыбка выходит хищной.

- Угрожает? От меня? - он произносит это почти ласково.

- Рауна, если бы я желал вам зла, то не был бы настолько обходительным.

- Одно другому не мешает, наместник.

Отлично, вот этого мне сейчас и не хватало: угроз, завёр-

нутых в бархат.

- Зачем, - спрашивает он, - мне скрывать что-то? Я и сам расскажу вам всё, что пожелаете. Задавайте вопросы.

Он склоняет голову чуть набок, и я чувствую, как его внимание словно ударяется о грудь, где спрятана лиса. Не взгляд мужчины, взгляд дракона, ищущего источник магии.

- Вы изменились, - тихо произносит он. - Не только в поведении.

Я едва двигаюсь, только чуть плотнее прижимаю шарф.

- Что изменилось, по-вашему?

Он медленно встаёт, внимательно меня рассматривая, а потом подходит ближе, нарушая допустимую дистанцию.

- Ещё утром вы были просто вдовой, - едва слышно. - Теперь - нечто иное.

- Счесть это за комплимент? – пытаюсь отшутиться, а он задерживает взгляд на вырезе, и в этот момент чувствую, как Мнемолис едва заметно дрожит, словно тянет внимание на себя.

Чёрт.

- Осторожнее, - произносит он, почти шёпотом, перемещая взгляд на мои очки. - Иногда вещи, которые мы прячем, смотрят на нас в ответ.

Лиса под корсажем еле ощутимо пульсирует. Тонкий отклик, призыв, будто ждёт чего-то.

Зэйд тянет руку к моему лицу, и я вжимаюсь в кресло сильнее.

- Кажется, я слышала, как меня зовут, - пытаюсь сменить тему.

- Вам показалось, - не перестаёт стоять над душой.

- Что вы делаете?

- Хочу коснуться вас, конечно же.

- Для чего?

- Проверить вашу душу...

С последним словом он хватается за оправу и дёргает на себя. Очки остаются в его руках, и на одно короткое мгновение мои глаза поднимаются прямо на него: без расфокусировки, без заученной пустоты, слишком чётко.

И я понимаю, что всё пропало.

Зэйд замирает, как зверь, который уловил запах. Моргает медленно, будто до конца не верит своим выводам, а затем улыбается. Широко, нагло, почти счастливо:

- Вы видите.

Это не вопрос.

Я пытаюсь выровнять дыхание, делаю вид, что он ошибся, втыкаясь взглядом куда-то вдаль, но мне его уже не обмануть.

- Ах, Рауна, - протягивает он мягко, даже тепло, - маленькая красивая лгунья. А вы не так просты, как сперва показалось. Впрочем, я догадался почти сразу, но вы так искусно притворялись, что не было возможности ни за что зацепиться.

Сказано хищно-ласково, как комплимент, как ловушка. И

эта улыбка пугает куда сильнее, чем если бы он закричал.

Глава 36

Я в клетке с опасным хищником, который разгадал мой секрет, и теперь, после того как утрачено доверие, не могу рассчитывать на то, чтобы он отдал мне свой таль. Если только вопрос не будет в обмене.

- Я могу сейчас же рассказать всему Варругену, как их обвела вокруг пальца вдова, - играет со мной.

- Во-первых, вам это ничего не даст, а во-вторых, я не причиняла никому вреда. Куда страшнее, если я расскажу ВАШ секрет, - ухмыляюсь, решая понаблюдать за его поведением.

- Интересно послушать, что вы там придумали себе в своей чудесной головке.

- Мне не надо ничего придумывать, дорогой советник, но уж если говорить о том, кто влияет на жителей столицы, так это вы, - тычу ему в грудь пальцем.

На его лице мелькает сомнение. Только что он был уверен, что я блефую, но теперь появились сомнения, и он чуть повернул голову и нахмурил лоб.

- Всё равно не понимаю, о чём вы.

- Прек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.